

ИЛЬЯ ВОЙНА ЭРЕНБУРГ

1941
1945

Илья Григорьевич Эренбург

Борис Фрезинский

Война. 1941-1945 (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8072517

*Война. 1941-1945: ООО «Агентство «КРПА Олимп»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»; М.; 2016
ISBN 978-5-17-096676-9*

Аннотация

Эта книга вобрала в себя двести статей из полутора тысяч, написанных Эренбургом за четыре года войны. Репортажи, листовки, фельетоны, обзоры адресовывались в основном бойцам фронта и тыла и были подчинены единственной цели: помочь стране победить врага. Эренбург работал ежедневно и на износ. Его тексты печатались в центральных газетах, звучали по радио, выходили брошюрами и книжками. Их знала и ждала вся страна – от солдат до маршалов, от рабочих до крестьян. Параллельно сообщения писателя выходили и в антигитлеровских странах Америки и Европы, где также были популярны. Собранная вместе публицистика Эренбурга дает пунктир главных событий на советско-германском фронте в 1941–1945 годах и показывает весь ужас войны, из которой народы СССР вышли победителями.

Содержание

ПОМНИТЬ!	7
1941	36
В первый день	36
Час настал	40
Гитлеровская орда	46
Париж под сапогом фашистов	52
3 июля 1941 года	58
Спесивые хвастуны из гитлеровской банды	60
Бешеные волки	66
Людоед	75
Трусливый вояка Бенито Муссолини	80
Бедные музыканты	85
Бастилия будет взята	87
Дневник немецкого унтер-офицера	90
17 июля 1941 года	96
Коричневая вошь	99
Презрение к смерти	103
Коалиция свободы	108
Фабрика убийц	112
6 августа 1941 года	119
Бескорыстные взломщики	121
Еще одного	126
24 августа 1941 года	129

Мы не забудем!	132
На запятках	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Илья Григорьевич Эренбург Война. 1941–1945

© И. Эренбург (наследники), 2016

© Б. Фрезинский, подготовка текста, составление, вступительная статья, примечания, 2016

© РИА Новости

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Duke Spensy

ПОМНИТЬ!

(Война Ильи Эренбурга)

Эта книга не ставит своей целью вас развлечь.

Это не детектив или приключенческий роман (такое изображение Отечественной войны заполняет различные телеканалы в годовщины старых военных побед). Вместе с тем это и не серьезный справочник по истории войны, из которого читатель сможет узнать все про причины и следствия, тайные пружины, действующих лиц и масштабные военные операции. И это не мемуары участника войны – с картинками военной жизни и переживаний автора.

Это сборник *статей* Ильи Эренбурга, писавшихся ежедневно в течение четырех военных лет и обращенных прежде всего к бойцам фронта (многие короткие и яростные выступления Эренбурга зачитывались им политруками перед боем) и к бойцам тыла (в тылу статьи Эренбурга читались тоже до дыр). Отмечу, что в семитомных воспоминаниях Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» есть пятая книга, целиком посвященная событиям Отечественной войны, – при написании ее Эренбургу не раз помогали его корреспонденты военных лет, напоминая о тех или иных подробностях фронтовых поездок, встреч и разговоров.

Это поневоле *избранные* статьи (хотя в книге их больше

двухсот, но всего Эренбургом за время той войны их написано не меньше полутора тысяч). Статьи – разных жанров: хлесткие фельетоны (в первые месяцы войны, в тяжкую пору военных поражений Эренбург хотел избавить наших бойцов от ощущения фатального превосходства гитлеровцев), репортажи с фронтов, гневные перечни бед, принесенных врагом, чудовищных его преступлений, раздумья о будущем. Это статьи *писателя*, хотя лишь изредка в них заходит речь о литературе. Больше всего в книге написанного для тех, кто добывал победу на фронте и в тылу; из сотен и сотен репортажей Эренбурга для заграницы в книгу вошло чуть больше тридцати (они, как правило, не имели авторских заголовков и названы датами написания¹). Конечно, собранная вместе, публицистика Эренбурга дает пунктир главных событий на советско-германском фронте в 1941–1945 годах, а иногда и на других театрах мировой войны, но не это определяет цель данного издания.

У этой книги две главные задачи.

Во-первых, предоставить возможность современному читателю ощутить *накал* той страшной войны, тех кровавых 1418 дней. Думаю, что в этом смысле у нас нет более точного историко-публицистического документа, чем эта книга, потому что, читая не причесанные цензурой последую-

¹ Почти все статьи, озаглавленные числами, приводятся по книге Эренбурга «Летопись мужества», подготовленной Л.И. Лазаревым в 1973 г. – *Здесь и далее примеч. сост.*

щих годов тексты самого популярного публициста войны, обращенные к тем, кто воюет, то есть убивает врагов, чтобы спасти себя и своих близких, а стало быть, и свою страну от того, что ей реально угрожает, — читая их, нельзя не почувствовать именно накал той войны, что называется, своей кожей. Накал войны, которую уже традиционно считают у нас народной, героической и справедливой. Никак не принижая заслуг других народов антигитлеровской коалиции, можно сказать: именно народы СССР внесли решающий, оплаченный немыслимо дорогой ценой вклад в общую победу над фашизмом, создав в 1945 году *необходимые* условия для цивилизованного существования и последующего процветания Западной Европы (американский военно-экономический щит в послевоенной Европе превратил эти условия в *достаточные*, но это уже другая тема).

Ту народную, героическую и справедливую войну нельзя вместе с тем не считать исключительно *жестоким и трагическим* испытанием для народов СССР — не столько даже потому, что на каждого погибшего немца приходилось в среднем семь погибших советских граждан, но и потому еще, что именно наши народы-победители не заработали себе за эти четыре кровавых года реального права достойной жизни, и даже теперь, спустя 70 лет после весны 1945 года, живут, в среднем, хуже всех в Европе (имею в виду не только материальную сторону существования). Наше государство как было, так, в общем-то, и осталось тем неизменным моло-

хом, которому подчинено все. Вот и получается, что если когда-либо советские народы и чувствовали себя свободными и раскованными, то именно в окопах Отечественной войны, ибо знали, что страшнее, чем в этих окопах, уже не будет (это одна из тем романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»). Конечно, можно было бы заметить, что каждый народ живет так, как того заслуживает, но понимание этого (видимо, в целом справедливого) утверждения лишь усугубляет ощущение нашей трагедии. Помимо этой первой, чисто исторической (или военно-исторической) задачи есть у книги Ильи Эренбурга и другая цель – историко-литературная. Она представляет читателю тексты, беспрецедентные по воздействию на читателя тех лет, вызывавшие двойной эффект по обе стороны фронта: ярость красноармейцев к врагу и ненависть фашистов к Эренбургу (геббельсовская пропаганда все время использовала его статьи для создания образа лютого врага). Эти статьи практически неизвестные сегодня новым поколениям читателей, интересующихся историей России, – несомненный историко-литературный феномен. И теперь, когда к ним (или к мифам о них) вдруг возвращаются по обе стороны мысленной линии давнего фронта, равнодушными они не оставляют никого. Могу вспомнить, например, неоднозначно-острые отклики в Германии на значимую берлинскую выставку 1997 года в Карлсхорсте, посвященную Эренбургу. Что касается пожилых граждан России (речь не о ветеранах войны), то они о военных статьях

писателя, скорее всего, забыли, а если отдельные интеллигенты их и вспоминают иногда, то, с легкой руки германиста Льва Копелева, сугубо в смысле их-де избыточной ненависти к немцам (то есть к врагу, вторгшемуся в нашу страну с целью ее порабощения). Таковы, скажем, «прозрения» тех эренбургских поклонников времен войны, которые на старости лет вдруг обнаружили, что «не понимали страшного воздействия его статей, разжигавших ненависть наших солдат», как будто убийство без ненависти гуманнее, а на войне есть дела поважнее убийства оккупантов. Сокрушающимся о «негуманности» военной публицистики Эренбурга или о «нетребовательности» военного времени, предпочитавшего «императивное слово» писателя «оригинальности художественно-философской концепции», не стоит забывать об исторической конкретности истины, при всей ее внеисторической многозначности.

Нельзя не содрогаться при мысли о том, что принес миру выбор немецким народом национал-социалистов в 1933 году, как и тому, во что обошлась России победа отечественного национал-большевизма в 1929-м. Но изменить что-либо можно не в истории, а в нашем будущем. Впрочем, не имея исторической памяти и не найдя в себе воли и духа осудить преступления прошлого, вряд ли можно получить шанс жить по-человечески в будущем.

Черная тень Сталина проецируется на все события Отечественной войны, начиная с ее первого дня, подвергнувшего

сомнению вдолбленную советским людям привычку считать Сталина ясновидящим. Понятно, что для абсолютного большинства населения вопрос о Сталине-руководителе в годы войны вообще не стоял (не только потому, что «коней на переправе не меняют»). Что же касается идеи заменить Сталина Гитлером, то она не была широко популярной даже среди эмигрантских антагонистов советского режима.

Война отчетливо делится на две части: пору сокрушительных поражений 1941 и 1942-го и пору неостановимого наступления, начавшуюся в 1943-м. Именно этим годом датируется неприкрытый переход политики Сталина от завещанного интернационализма к банальному шовинизму. И одновременно, в советской пропаганде вновь вспыхнуло восхваление вождя, заметно увядшее было в начале войны. Читатель заметит это и по статьям Эренбурга. Хочешь не хочешь, но он принимал участие в укреплении сталинского культа – разумеется, не так грубо, бесстыдно и бездарно, как большинство участников этого процесса, но тем не менее. Все его важные статьи, прежде чем появиться в газете, печатались на хорошей бумаге и отвозились Сталину. Вождь был личным цензором писателя, о чем тот знал.

Это обстоятельство помимо воли влияло на текст; что касается фраз о самом Сталине, то, как бы наивно это ни выглядело, писались они не без расчета: может быть, прочтя, Сталин задумается и, глядишь, захочет сказанному о нем соответствовать. В годы «оттепели» Эренбург как-то заметил,

что, умри Сталин в 1945-м, возможно, победа в войне списала бы все его предвоенные преступления. Потому что хотя диктатор не был великим военным стратегом (правда, нередко он умел выслушивать своих маршалов и даже соглашаться с их предложениями), но в массовом сознании и в СССР, и за границей победу в войне связывали именно с его именем. Даже теперь, через полвека после смерти отца народов, избавившей страну от близкого краха, уже старые, но не знавшие войны и не участвовавшие в ней люди приходят на митинги с его портретами и думают, что это он победил Гитлера.

«В тяжелую страду войны Эренбург работал больше, самоотверженнее и лучше всех нас», – признавался один из самых популярных журналистов и поэтов войны Константин Симонов. Приведу здесь еще эпизод из воспоминаний писателя Саввы Головановского: была в Союзе писателей узкая встреча с нашим послом в Лондоне И.М. Майским, на которой он, заговорив о военной работе Эренбурга, заметил, что в годы войны «существовало только два человека, влияние которых можно было сравнивать: имя одного – Эренбург, второго он не назвал, как видно испугавшись собственной идеи – сравнивать...»

Три причины этого связаны с самим Эренбургом: 1) он лично ненавидел фашизм и знал о нем не из книг (за его плечами была война в Испании и знание Германии, беременной фашизмом), 2) природа его публицистического дара (слово «ненависть» в словаре писателя всегда было значимо)

и литературный темперамент, 3) поразительная работоспособность.

Остальные причины были связаны с положением в СССР, каким оно сложилось в 1939 году, когда запретили всякую антифашистскую пропаганду. Виновниками Второй мировой войны пропаганда именovala «империалистических агрессоров» Францию и Англию, объявивших войну дружественной СССР Германии. Советские граждане, так не думавшие, помалкивали; средний обыватель считал, что Сталин лучше его разбирается во всем. Идеологически разоружив аппарат, Сталин лишил к началу войны пропагандистскую машину антифашистской прививки. Но Эренбурга, в отличие от его коллег, 1939 год застал не в Москве, а в Париже. С весны 1939-го его не печатали. А в сентябре Эренбург, еще не пришедший в себя от поражения Испанской республики (с 1936-го по 1939-й он был военкором в Испании), получил второй, сокрушающий удар – пакт Сталина с Гитлером, после чего фюрер оккупировал одну европейскую страну за другой. Положение Эренбурга становилось безнадежным: в Москве его ждал неминуемый арест, а на победу Франции над Гитлером надежд почти не было. 14 июня 1940 года гитлеровцы вошли в Париж. Советский паспорт временно ограждал Эренбурга от гитлеровской расправы, но как Сталин выдавал Гитлеру немецких антифашистов, так и Гитлер охотно помог бы коллеге. Заходя в кафе, где победители свободно болтали о дальнейших военных планах,

Эренбург понял: они ждут приказа: «На Россию!». Это давало ему шанс. Советский консул в Париже организовал его проезд через Германию под чужим именем. В Москве Эренбург немедленно написал Молотову, но – увы: эта информация Кремль не заинтересовала (однако Сталин решил пока Эренбурга приберечь).

Москва встретила писателя прохладно; ему оставалось только ждать (правда, недолго: меньше года). Он писал очерки о крушении Франции (их иногда печатали в «Труде»), начал роман «Падение Парижа»; за три недели до войны удивил друзей прогнозом, который сбылся точно 22 июня. В этот день Эренбург написал первую военную статью. Ее не напечатали (команды сверху не было, а сами редакторы еще не понимали, что началась другая жизнь). 25 июня вторую статью Эренбурга напечатал «Труд», а на следующий день – уже две его статьи появились в «Известиях» и в «Красной звезде». Так началась бессменная четырехлетняя война Ильи Эренбурга – его статьи появлялись почти ежедневно в «Красной звезде», иногда в «Правде», изредка в «Известиях» и «Комсомолке», еще реже в «Труде»; о масштабе его огромной, зачастую тоже ежедневной, работы для зарубежной печати знали лишь близкие и те, кому положено.

Эренбург работал на износ, без выходных – а ему было за 50. В работоспособности ему уступали и молодые, в таланте публициста – все.

Статьи Эренбурга были подчинены одной цели: помочь

стране победить врага. Для этого необходимо было вооружить население ненавистью к фашистам. Презрительным, издевательским тоном гневных фраз Эренбург избавлял от страха перед врагом. Наиболее одурманенные классовой теорией читатели в первые дни войны думали, что немецкие пролетарии, оказавшись на территории первой страны социализма, тут же повернут оружие против эсэсовцев. Статьи Эренбурга не оставляли камня на камне от классовых ожиданий. Именно с его подачи слово «немец» (или «фриц») тогда стало синонимом слова «фашист». Так еще никто не писал и так еще думали не все. Вот книжка «Мы не простим», подписанная к печати 7 октября 1941 года, когда немцы стояли у Москвы. Рядом со статьями Эренбурга и Гроссмана («Фабрика убийц» и «Коричневые клопы») заметка «Чувствительность и жестокость» Федина, хорошо помнившего Первую мировую войну, интернированного в Германии и полагавшего, что немцы всё те же: вместо короткого «убей немца!» он неторопливо объясняет бойцам: «Мы знаем уязвимость чувствительного места в психологии врага. Мы будем ранить это место все более ошутимо и болезненно» и т. д. Поэтому, когда газеты доходили до наших окопов, бойцы читали не Федина.

К такому накалу и стилю работы не были готовы и сталинские аппаратчики; сама постановка пропаганды была из рук вон плохой. 3 сентября 1941 года Эренбург писал секретарю ЦК по идеологии Щербакову: «Мне пришлось убе-

диться в том, что вражеская пропаганда доходит до широких кругов населения (листовки, «слухи», исходящие от агентов противника). Мне кажется, что необходима контрпропаганда. Нельзя оставлять без прямого или косвенного ответа инсинуации врагов. Приведу пример: в городе говорят о том, что немцы отпускают людей из Смоленска в Москву, не причинив им вреда. Этих людей якобы видели и т. д. Необходимо это опровергнуть и высмеять. По-моему, желательна статья русского с именем (Шолохова или Толстого) об евреях, разоблачающая басню, что гнев Гитлера направлен только против евреев... Наконец, я хочу указать, что статьи, объясняющие военное положение, как, например, статьи в «Красной звезде» о боях за Смоленск и Гомель, зачитываются до дыр. Почему таких статей не печатают центральные органы? Я решаюсь обратить на все это внимание после многих бесед с рабочими на заводах, с ранеными в госпиталях, с интеллигенцией».

Так же скверно обстояло дело и со всем, что писалось для Запада. В том же письме Щербакову об этом сказано: «По предложению <начальника Совинформбюро> т. Лозовского я согласился писать корреспонденции для иностранной печати. За полтора месяца я отправил около семидесяти телеграмм в американское агентство «Оверсис» и в две лондонские газеты «Дэйли геральд» и «Ивнинг стандарт». Работа эта чрезвычайно неблагодарная: чтобы «опередить» спецкоров, находящихся в Москве, нужно давать что-либо недо-

ступное для иностранных корреспондентов. Никаких сведений (информации), никакой помощи от Информбюро я не получал. Приходилось делать все самому. Как я неоднократно указывал т. Лозовскому, мои корреспонденции, проходя двойную цензуру (военную и политическую), регулярно искажались, причем товарищи занимались не только содержанием моих статей, но даже их литературным стилем. Это, помимо всего прочего, задерживало отправку телеграмм... Слушая лондонское радио, я знаю, что англичане информированы больше, нежели сведения, которые можно взять из наших газет – я говорю и о положительных факторах (уничтожение немцев на левом берегу Днепра, наши контратаки вокруг Смоленска и пр.), поэтому, передавая им информационный материал, очень трудно дать что-нибудь новое... Я едва справляюсь, и без телеграмм за границу, с работой. Кроме ежедневной работы в «Красной звезде» приходится писать и для других газет. Две ежедневных статьи для Америки и Англии отнимают полдня и заставляют меня отказывать редакциям наших газет. Поэтому продолжать *ежедневно* писать информационные телеграммы для заграницы стоит лишь в том случае, если Вы признаете это важным. А в этом случае необходимо срочно улучшить условия работы». Какое-то действие это письмо возымело.

Совмещение двух работ было нелегким делом; подчас и для «Красной звезды», и для заграницы Эренбург писал об одном и том же, но писал совершенно по-разному: задачи

этих корреспонденций были неодинаковые (сравните хотя бы две статьи о падении Киева – 25 и 27 сентября 1941 года).

Цензурный пресс не ослабевал; 7 октября 1941 года Эренбург писал трем руководителям совпропаганды – Щербакову, Лозовскому и Александрову: «Мне непонятно, почему наши печать и радио не отозвались на падение Киева и уничтожение плотины Днепрогэса. Об этом все говорят: на заводах, в воинских частях, на улице. Нельзя обойти молчанием события такой значимости для страны... Никто не понимает, почему военное положение освещается через ответы т. Лозовского иностранным корреспондентам на пресс-конференции. Говорят (по-моему, резонно): "Значит, иностранцам можно спрашивать, им отвечают, а нам не говорят" ...» Помимо политической правки редакции осуществляли еще и стилистическую. 30 января 1942-го Эренбург объяснял редактору «Правды»: «С первого дня войны я часто писал вещи без подписи и считаю, что писатель в дни войны, если он не может с оружием защищать Родину, должен выполнять любую работу, поскольку она полезна Красной Армии и стране. Не потому я протестовал против стилистической правки статей, что обиделся за свои "произведения". Нет, не в этом дело. Но мне кажется, что писатель, говоря своим голосом, употребляя свой словарь, своими интонациями лучше доходит до читателя, является лучшим агитатором».

Уже осенью 1941 года Эренбург начал получать письма с фронта; он чувствовал, что его слово доходит до бойцов, и

работал, преодолевая усталость (8 июня 1942 года Эренбург писал знакомому литератору в Ташкент: «Я работаю, как по-денщик: пишу и пишу, от "фрицев" одурел»).

Письма читателей (в годы войны Эренбургу их шли тысячи от незнакомых ему прежде людей – и каждому он отвечал) – это кровь его публицистики. В статье «Сильнее смерти» есть такие слова о фронтовике Аскаре Лекерове: «Ваше письмо, которое я напечатал в "Красной звезде", дойдет до сердца всех бойцов и поможет еще глубже осознать любовь к Родине». Почти всю войну шла переписка Эренбурга с легендарным снайпером Гавриилом Хандогиным (она печаталась в красноармейской газете «Родина зовет»), с танкистом Иваном Чмилем и многими-многими другими. Беру наугад: 24 февраля 1942 года с фронта Эренбургу пишет политрук Медоков: «Я с первых дней на фронте. Всякое бывало, печальное и радостное... В сентябре мы занимали оборону. На этом участке наступление противника было приостановлено. На помощь приходили ваши слова... достанешь "Звездочку" (это наша любимая газета), читаешь. Что скажет Эренбург? Дружный взрыв смеха, веселье, бодрость, а в итоге суровые лица и кто-нибудь скажет сквозь зубы: "У, гады..."». А вот письмо 1943 года: «Почту нам приносят в 18.00. Уже за час до этого времени мы с нетерпением посматриваем в ту сторону, откуда обычно приходит наш письмоносец... Раньше всего, конечно, просматриваем газеты. И всегда кто-нибудь задает вопрос: "Нет ли сегодня статьи Эренбурга?" Ко-

нечно, есть, ведь Вы так часто пишете. Нетерпение прочесть у всех настолько велико, что приходится читать вслух. И вот где-нибудь на опушке леса, в одном из блиндажей или окопов, в 600–800 метрах от противника звучат Ваши пламенные слова...»

Корреспондентами Эренбурга были люди разного возраста, разной культуры, попросту – разной грамотности; почти вся его почта шла прямо в «Красную звезду», иногда на обычном солдатском треугольнике выводили, как приказ: «Москва. Эренбургу» – и доходило. Неграмотные диктовали умеющим писать друзьям; снайперы, ведшие счет своим отстрелам, открывали боевой счет Эренбурга, на который заносили половину убитых ими фашистов; именем писателя называли свои машины лучшие танкисты... И все это не по приказу, а по личной воле. Эренбург слал на фронт табак, трубки, свои военные книжки. Регулярно выезжал в воинские части, случалось, навещал своих «друзей по переписке». Получить письмо от Эренбурга на фронте считалось также почетно, как быть отмеченным в приказе Верховного главнокомандующего. Многих своих адресатов Эренбург хорошо узнал за годы войны и встречался с ними после Победы. Тысячи коротеньких писем на машинке (его почерк был почти нечитаемым) сохранили бойцы, вернувшись с фронта домой... Вот типичное письмо начала 1943 года – танкисту Ивану Чмилю, о дружбе с которым рассказывается в мемуарах «Люди, годы, жизнь»: «Дорогой Иван Васильевич! Рад

узнать, что Вы здоровы. Надеюсь, что Вы получили письмо из дома и что все ваши тоже здоровы. Зима не сулит фрицам ничего хорошего. Из Белоруссии идут хорошие вести. А в Берлине, должно быть, не весело. Бомбят их тоже не скверно. Мой горячий привет Костенко и Вашему экипажу. Крепко жму Вашу руку, дорогой Иван Васильевич, и желаю удачи».

Почти не оставалось времени на то, чем Эренбург жил в мирные годы; но иногда ему удавалось написать несколько стихотворений или статью не про бои (скажем, о любимом им Хемингуэе)... Эренбург был уверен, что настоящие книги о войне напишут ее участники, и ждал этих книг (стоит заметить, что, говоря о тогдашней прозе писателей, он выделил только двух авторов: Гроссмана и Платонова); он невероятно обрадовался стихам фронтовика Семена Гудзенко и читал их всем, кому мог...

Среди фронтовых корреспондентов Эренбурга оказывались и близкие души, с которыми он мог говорить не только о боях, – таков был, например, старший лейтенант артиллерист А.Ф. Морозов. 24 октября 1943 года Эренбург писал ему в часть: «Дорогой Александр Федорович, вернувшись с фронта, нашел Ваше письмо и обрадовался ему. Рад, что у Вас все благополучно. Мне очень понятно и близко все, что Вы пишете об искусстве: это мои чувства и мысли. Минутами я начинаю надеяться, что такие, как Вы, вернувшись после войны, окажутся сильнее рутины и ограниченности.

Минутами я сам впадаю в хандру. Теперь приближается развязка. Я был у Киева. Немцы не те, и они быстро катятся под гору. Разорение ужасное: уходя жгут. Да и люди, бывшие под ними, как-то деформированы. Шлю Вам "Войну" 2. (т. е. второй том «Войны» со статьями 1942–1943 годов. – *Б.Ф.*). Она уже отстала от событий. Все это написано для одного дня. Для детей будут писать потом: немного правдивей и немного обманчивей – психологический реализм плюс историческая легенда». 10 ноября 1943 года Морозов ответил Эренбургу: «Вы не правы, когда говорите, что книга устарела. Она живет каждой своей страницей, каждым словом. Я не знаю ничего, кроме собственного чувства к Родине, что было бы действеннее и пламеннее Вашей книги. Это не фельетоны, а сгустки крови...»

Статьи Эренбурга распространяли информационные агентства США, Англии, Латинской Америки, подпольные издания Франции, они печатались в Скандинавии и на Ближнем Востоке. Их высоко оценивали не только рядовые читатели, но и профессионалы. Известный английский писатель Дж. Б. Пристли написал в предисловии к книге военных статей Эренбурга «Россия в войне», вышедшей в 1943 году в Лондоне: «Перед нами лучший из известных нам русских военных публицистов. Я бы хотел, чтобы и мы били врага так, как русские. Мне скажут, что у нас свои собственные обычаи, своя официально-джентльменская гладенькая традиция. Но сейчас самое время распрощаться с этой традици-

ей правящего класса, которой не под силу выразить чувства сражающегося народа. А между тем вот – Илья Эренбург со своим неистовым стаккато рубленых фраз, острым умом и презрением, показывающий нам, как это делается». Эрнест Хемингуэй, с которым Эренбург подружился на испанской войне, писал ему после Победы: «Я часто думал о тебе все эти годы после Испании и очень гордился той изумительной работой, которую ты делал во время войны». Чилийский поэт Пабло Неруда на антифашистских митингах в Латинской Америке читал свое письмо Илье Эренбургу: «Всех нас воспитала сила твоих обличений, никогда всеобщее равнодушие не знало более грозного меча, чем твое слово, а тем временем углублялись и углублялись морщины между твоих густых бровей. Мир молчал вокруг нас, словно зимняя ночь, и ты, Илья Эренбург, заполнял это молчание рассказами о России, старой, и новой, и вечной...»

Короткое как выстрел «Убей немца» относилось к конкретному времени и месту, когда немцы с оружием в руках и с планами уничтожения России ворвались на ее земли. В Германии и поныне вдруг оживает память о тех словах, и автора их обвиняют в ненависти к немцам вообще. 14 октября 1966 года Эренбурга навестил в Москве писатель Генрих Белль. Лев Копелев, присутствовавший при этой встрече, записал в дневнике слова, сказанные Эренбургом гостю: «Меня обвиняют, что я не люблю немцев. Это неправда. Я люблю все народы. Но я не скрываю, когда вижу у них недостат-

ки. У немцев есть национальная особенность – все доводить до экстремальных крайностей, и добро и зло. Гитлер – это крайнее зло. Недавно я встретил молодого немца, он стал мне доказывать, что в этой войне все стороны были жестоки, все народы одинаково виноваты. Это совершенно неправильно. Сталин обманывал народы. Он сулил им добро, обещал всем только хорошее, а действовал жестоко. Но Гитлер ведь прямо говорил, что будет завоевывать, утверждать расу господ, уничтожать евреев, подавлять, порабощать низшие расы. Так что нельзя уравнивать вины». «Белль с этим согласен», – констатирует Копелев... Конечно, в военных статьях Эренбурга и даже в его стихах 1942 года (не преодолевших инерции ежедневной газетной работы²) немецкий солдат выписан одной краской – черно-черной. Но вот письмо, отправленное Эренбургом в 1964 году знаменитому адмиралу и хорошему писателю И.С. Исакову (по прочтении его новой вещи): «Я позволю себе только один вопрос. Не кажется ли Вам, что сцена, где фигурируют наши противники, выпадает из остального: свои показаны с живописной глубиной, а враги – плакатно. Если бы это было в годы войны, я понял бы Ваше намерение, а сейчас эта страница мешает общему сильному впечатлению...»

Чем более радовали Эренбурга фронтовики, тем тяжелее становилось читать некоторые письма из тыла – особенно

² Эта же инерция сказалась и в некоторых статьях Эренбурга о литературе (например, в статье «Лирика провокатора» о книге Веркора «Молчание моря»).

от эвакуированных. Да и с фронта, бывало, писали о своих семьях, о том, как невнимательны и несправедливы к ним местные власти. Иногда Эренбургу удавалось с этим помочь (см., например, статью 1942 года «Высокое дело» и примечание к ней); труднее было исправить тыловые, глубинные нравы. Одна из самых острых проблем была связана с многонациональностью страны. Эренбург не упускал случая напоминать читателям, что воюют с фашистами *все* народы Союза. Начиная с 1943 года шло фронтальное освобождение оккупированных районов; объезжая их, Эренбург видел, как гитлеровская пропаганда деформировала людей (так, повсеместно возрождался антисемитизм). Зная, что в аппарате ЦК такие взгляды не редкость (и без оккупации), Эренбург в феврале 1943-го, вернувшись из Курской области, написал Щербакову: «Хочу поделиться с Вами следующим выводом, сделанным мною после двухнедельного пребывания в Курской области. Необходимо, во-первых, рассказывать нашей армии о демагогически-подлом характере немецкой оккупации. Во-вторых, снабдить каждого командира и бойца материалом для агитации среди населения, так как каждый солдат Красной Армии становится агитатором. Наверное, товарищи, приезжающие с фронта, Вам уже говорили о положении в освобожденных областях. Я хотел только отметить срочность освещения вопроса в центральной и армейской печати». Сам Эренбург написал тогда очерки «Новый порядок в Курске», напечатанные несколькими изданиями,

и брошюру «Одно сердце» – ее издали без титульного листа и без фамилии автора на обложке: разбрасывали по еще оккупированным районам.

Придя в себя после поражений 1941–1942 годов, цензура свирепела. В 1943-м набрали книгу Эренбурга «Сто писем» (письма фронтовиков), однако набор рассыпали, а напечатали ее в Москве... по-французски... В мемуарах Эренбург написал обо всем этом поневоле иносказательно: «В 1943 году начали собираться те тучи, которые пять лет спустя обложили небо. Но враг еще стоял на нашей земле. Народ стойко воевал, и была в его подвиге такая сила, что можно было жить честно, громко, не обращая внимания на многое. Я твердо верил, что после победы все сразу изменится. Теперь, оглядываясь назад, мне приходится то и дело признаваться в наивности, в слепоте. Это легче, чем в свое время было верить, порой наперекор всему. Я вспоминаю беседы на фронте и в тылу, перечитываю письма, – кажется, все тогда думали, что после победы люди узнают настоящий мир, счастье. Конечно, мы знали, что страна разорена, обнищала, придется много работать, золотые горы нам не снились. Но мы верили, что победа принесет справедливость, что восторжествует человеческое достоинство... Мы можем только горько усмехнуться, вспомнив мечты тех лет, но никто себя за них не осудит».

Одна из самых больных и горьких тем этой книги – еврейская. Эренбург – человек русской культуры – не знал еврей-

ского языка и считал себя ассимилянтом, хотя в молодости не раз к теме своего еврейства обращался. Он честно сказал о себе 24 августа 1941 года на митинге в Москве: «Я вырос в русском городе, в Москве. Мой родной язык русский. Я русский писатель. Сейчас, как все русские, я защищаю мою родину. Но гитлеровцы мне напомнили и другое: мать мою звали Ханой. Я – еврей. Я говорю это с гордостью. Нас сильнее всего ненавидит Гитлер. И это нас красит». По мнению партаппарата, с 1943 года это уже отнюдь не красило. Не проявляй Эренбург настойчивости, воли и изобретательности, не смог бы он пробиваться на страницы газет с напоминанием, что, вопреки лжи антисемитов, евреи воюют никак не хуже других народов СССР. Так, статью «Евреи» напечатали только потому, что до ее появления Эренбург написал статьи о казахах, узбеках, татарах и других воюющих народах СССР. В этой книге впервые публикуются и две статьи, в войну напечатанные только в переводе на идиш – печатать их по-русски не позволили. И все-таки даже в этих статьях Эренбург, и он сам это понимал, не был так свободен, как, скажем, Юлиан Тувим, написавший в Нью-Йорке обращение «Мы, польские евреи...». Оно было написано кровью и Эренбурга потрясло (не раз он его цитировал – даже в «Правде»: «Антисемитизм – международный язык фашистов»); замечу, что полный его перевод в России напечатан лишь в 2008 году...

Масштаб Холокоста Эренбург смог осознать лично, объездив освобожденные Украину, Белоруссию, Литву. Спас-

лись единицы. 22 июня 1944 года он писал в Донбасс чудом уцелевшей девочке Фриде Абович: «Дорогая Фрида, я счастлив, что ты спаслась и что тебе теперь хорошо живется. Храни память о твоём отце, люби в жизни правду и добро, ненавидь зло, суеверия и свирепость, которые ты увидела в лице фашистов и предателей. Учись хорошо, нашему народу нужны ясные головы и умелые руки. Помни, что у тебя на свете есть старый друг – писатель Илья Эренбург, который тебе всегда поможет в жизни...» Написал Эренбург и донбассцу Д.И. Романцу: «Дорогой Даниил Иванович, сердечно благодарю Вас за Ваше письмо и еще раз хочу высказать Вам свое восхищение перед Вашим поведением, достойным советского патриота и благородного человека. Я благодарен Вам как советский человек, как русский писатель и как еврей за спасение маленькой Фриды. О Вашем поступке обязательно напишу в газете и пришлю Вам газету. Прошу Вас считать меня Вашим другом и обращаться ко мне в случае надобности...» Напечатать статью о Романце Эренбургу, однако, не позволили.

Статьи Эренбурга 1941–1942 годов отличались от статей 1944–1945-го не только настроением (барометр войны указывал на победу). Когда война вышла к границе СССР, призыв скорее освободить оккупированные земли естественно сменился призывом на века избавить человечество от фашистской угрозы, темой сурового, справедливого суда над гитлеровскими преступниками. Эренбург писал об этом без

устали: о суде, а не о мести. Мировой авторитет Красной Армии, заработанный ценой жизни миллионов ее воинов, тогда был исключительно велик, и призывы Эренбурга, обращенные к Западу, имели моральный фундамент. Этот авторитет к 1947–1948 годам был уже порядочно подрастерян. Сегодня некоторые фразы в статьях Эренбурга приобретают совершенно иной, горький, смысл, который он в них не вкладывал. Например: «Нельзя освободить народы от фашистов одной масти и отдать их в руки фашистов другой масти» – тут нельзя не подумать о том, что стало с Восточной Европой после ее оккупации Красной Армией, но кому у нас в 1944 году такое могло прийти в голову? И кто мог тогда подумать, что денацификация Германии будет осуществлена американцами быстро и неумолимо, а в СССР, напротив, пригреют со временем группы нацистских юнцов...

В 1944 году в Восточной Пруссии, захваченной Красной Армией, Эренбург увидел, что наши политические службы совершенно не подготовили армию к действиям на территории противника. Картина увиденного Эренбурга ужаснула. Писать об этом в советской печати было невозможно, но в нескольких выступлениях перед военными в Москве он об этом говорил прямо. А в статьях теперь писал не о том, что есть, а о том, что должно быть. Это были не новые мысли. Напомню эренбурговские стихи страшного 1942 года, когда победа только грезилась:

Настанет день, скажи – неумолимо,
Когда, закончив ратные труды,
По улицам сраженного Берлина
Пройдут бойцов суровые ряды.
От злобы побежденных и от лести
Своим значением ограждены,
Они ни шуткой, ни любимой песней
Не разрядят нависшей тишины...

Когда теперь Эренбург получал с фронта от своих прежних или новых корреспондентов письма с недоумениями, а подчас и возмущениями: почему он пишет не так, как прежде, почему его голос стал иным, он взрывался. Вот характерный его ответ такому фронтовику: «Я не писал о милосердии к немцам. Это неправда. Я писал о том, что мы не можем убивать детей и старух. Это правда. Я писал, что мы не должны насиловать немок. Это я писал. В марте 1945 года я писал то же, что в марте 1942-го, но тогда перед нами были только немцы-солдаты, а теперь пред нами и немецкие дети. Мы должны и в победе остаться советскими людьми. Вы можете возмущаться моими статьями, это Ваше право, но не упрекайте меня в том, что я изменился – я писал и в 1942 году «мы жаждем не мести, а справедливости». Всё».

Это написано 7 апреля 1945 года. В тот день «Красная звезда» напечатала Эренбурга, написавшего специально для нее «Перед финалом», а 9 апреля в «Правде» в последний раз до Победы все читали его новую сильную статью «Хва-

тит!» (11 апреля перепечатанную «Красной звездой» и «Вечерней Москвой»). Эренбург писал в ней: «Бывают агонии, преисполненные величия. Германия погибает жалко – ни пафоса, ни достоинства»; он рассказывал, что немецкие войска без боя сдаются американцам, но цепко сопротивляются русским. Эренбург говорил о необходимости суда над фашистами и о заслуженной Россией роли на будущем процессе: «Мы настаиваем на нашей роли не потому, что мы честолюбивы: слишком много крови на лаврах. Мы настаиваем на нашей роли потому, что приближается час последнего суда...» Говорил он и о тех западных доброхотах, которые зывали о снисходительности к врагу; этим «адвокатам дьявола» он говорил: «Хватит!»

Утром 14 апреля, раскрыв «Правду», писатель увидел заголовок «Товарищ Эренбург упрощает»; эту статью (в ней особенным нападкам подвергалась напечатанная 5 дней назад в той же «Правде» «Хватит!») по личному заданию Сталина написал начальник Управления пропаганды и агитации ЦК Г. Александров. Сталин полагал, что, дезавуировав антифашистскую публицистику Эренбурга, которую пропаганда Геббельса сделала жупелом в глазах немцев, можно будет склонить их к сдаче. Был у этого замысла вождя и другой аспект. 29 марта 1945 года начальник Главного управления контрразведки Смерш Абакумов на основе агентурных сведений проинформировал Сталина, что вернувшийся из Восточной Пруссии Эренбург в своих публичных выступле-

ниях в Москве «возводит клевету на Красную Армию», обвиняя ее вторые эшелоны в мародерстве, пьянстве и насилии на территории Германии. Верный себе, Сталин обвинил Эренбурга в насаждении именно того, против чего тот выступил. Еще одной политической задачей Сталина было показать советской интеллигенции, что *никто* в СССР не защищен, если даже всенародно любимого публициста, четыре года поддерживавшего боевой дух страны, можно росчерком пера исключить из жизни (после статьи Александрова Эренбурга в одночасье и повсеместно в СССР перестали печатать и рассыпали набор четвертого тома его «Войны»).

Эренбург был настолько обескуражен этой несправедливостью перед самой победой, что написал Сталину о категорическом несогласии с неправдой: «Прочитав статью Г.Ф. Александрова, я подумал о своей работе в годы войны и не вижу своей вины. Не политический работник, не журналист, я отдался целиком газетной работе, выполняя свой долг писателя. В течение четырех лет ежедневно я писал статьи, хотел выполнить работу до конца, до победы, когда смог бы вернуться к труду романиста. Я выражал не какую-то свою линию, а чувства нашего народа, и то же самое писали другие, политически более ответственные. Ни редакторы, ни Отдел печати мне не говорили, что я пишу неправильно, и накануне появления статьи, осуждающей меня, мне сообщили из изд<ательст>ва "Правда", что они переиздают массовым тиражом статью "Хватит!". Статья в "Правде" говорит,

что непонятно, когда антифашист призывает к поголовному уничтожению немецкого народа. Я к этому не призывал. В те годы, когда захватчики топтали нашу землю, я писал, что нужно убивать немецких оккупантов. Но и тогда я подчеркивал, что мы не фашисты и далеки от расправы. А вернувшись из Восточной Пруссии, в нескольких статьях ("Рыцари справедливости" и др.) я подчеркивал, что мы подходим к гражданскому населению с другим мерилom, нежели гитлеровцы. Совесть моя в этом чиста».

Ответа на свое письмо Эренбург не получил. Годы спустя он вспоминал: «Пожалуй, наиболее сильное впечатление статья Г. Александра произвела на наших фронтовиков. Никогда в жизни я не получал столько приветственных писем. На улице незнакомые люди жали мне руку...» Вот слова только из одного письма: «Мы одни, и только мы, можем со всей глубиной нашей пламенной патриотической души понимать Вас так, как это есть в действительности. Для нас нет "упрощений", мы сами все видели собственными глазами». Так писали люди, вкусившие свободы.

Когда пришла Победа, Эренбургу все-таки позволили напечатать в «Правде» статью «Утро мира». Поехать в Берлин ему, разумеется, не предложили. Вспоминая Победу, Эренбург с горечью написал в мемуарах: «Последний день войны... Никогда я не испытывал такой связи с другими, как в военные годы. Некоторые писатели тогда написали хорошие романы, повести, поэмы. А что у меня осталось от тех

лет? Тысячи статей, похожих одна на другую, которые теперь сможет прочитать только чрезмерно добросовестный историк, да несколько десятков стихотворений. Но я пуще всего дорожу теми годами: вместе со всеми я горевал, отчаивался, ненавидел, любил. Я лучше узнал людей, чем за долгие десятилетия, крепче их полюбил – столько было беды, столько душевной силы, так прощались и так держались.

Об этом думал ночью, когда погасли огни ракет, стихли песни и женщины плакали в подушку, боясь разбудить соседей, – о горе, о мужестве, о любви, о верности».

Борис Фрезинский

1941

1941

1942

1943

1944

1945

В первый день

С негодованием, с гневом узнали мы о разбойном напа-

дении германских фашистов на наши советские города. Не словами ответит наш народ врагу. Игрок зарвался. Его ждет неизбежная гибель.

Германские фашисты подчинили своему игу много стран. Я видел, как пал Париж, — он пал не потому, что были непобедимы немцы. Он пал потому, что Францию разъели измена и малодушие. Правящая головка предала французский народ. Нотам, где солдаты, брошенные всеми, вопреки воле командования, оказывали сопротивление, немецкие фашисты топтались перед ничтожными отрядами защитников. Население небольшого города Тура и два батальона трое суток защищали город от основных сил германской армии.

Советский народ един, сплочен, он защищает родину, честь, свободу, и здесь не удастся фашистам их низкая и темная игра.

Они разгромили свободолюбивую, веселую Францию, они поработили братские нам народы — высококультурных чехов, отважных югославов, талантливых поляков. Они угнетают норвежцев, датчан, бельгийцев. Я был в разоренных немцами странах. Повсюду я видел горящие гневом глаза, — люди ненавидят разбойников, которые разграбили их страны, убивают их детей, уничтожают их культуру, язык, традиции. Они только ждут минуты, когда зашатается разбойная империя Гитлера, чтобы подняться, все, как один, против своих поработителей. У советского народа есть верные союзники — это народы всех поработенных стран — парижские рабочие

и сербские крестьяне, рыбаки Норвегии и жители древней Праги, измученные сыновья окровавленной палачами Варшавы. Все народы с нами. Как на освободительницу, они смотрят на Красную Армию. В оккупированных фашистами странах уже зимой начались партизанские бои – смельчаки не могли больше выдержать неслыханного ига. В ноябре парижские студенты вышли на улицу с револьверами. Норвежцы по ночам истребляли отряды фашистов, поляки уходили в леса и оттуда совершали налеты на фашистских оккупантов. В Чехии рабочие ломали станки: «Ни одного снаряда для немецких фашистов». Теперь на них пойдут не тысячи смельчаков, но миллионы – народы Европы. Судьбе зазнавшегося фашистского палача пришел конец.

На стенах древнего Парижа в дни немецкой оккупации я часто видел надписи: «Гитлер начал войну, Сталин ее кончит». Не мы хотели этой войны. Не мы перед ней отступим. Фашисты начали войну. Мы ее кончим – победой труда и свободы. Война – тяжелое, суровое дело, но наши сердца закалены. Мы знаем, какое горе принес фашистский захватчик другим неразумным народам. Мы знаем, какой останавливается, когда видит достойный отпор. Мы не дрогнем, не отступим. Высокая судьба выпала на нашу долю – защитить нашу страну, наших детей и спасти измученный врагами мир. Наша священная война, война, которую навязали нам захватчики, станет освободительной войной поработенной Европы.

22 июня 1941

Час настал

Великий киноактер Чарли Чаплин в своем последнем фильме изображает Гитлера: диктатор Германии показан злосчастным маньяком, злым сумасшедшим. Недавно в Лондоне демонстрировали эту картину. Фашистский диктатор на экране был смешон. В действительности он смешон и ужасен: этот человек, одержимый манией величия, лишенный простых радостей жизни, решил повернуть историю вспять, он отбросил народ Германии в доисторическую ночь.

На нас идет орда современных дикарей. Я помню, как одна немка мне рассказывала: «Моего мужа избили в концлагере Дассау до крови. А мне сказали – принесите белье. Они заботились о гигиене». В Париже они навели «порядок». Транспорт там заменили человеческой тягой – возле вокзалов стоят французы с ручными тележками. Фашистские полицейские выстраивают рикш, как автомашины. При мне один безработный на шаг вышел из ряда. К нему подошел фашист и ударил его револьвером по голове. Француз упал, фашист не моргнул: он был горд своей миссией. Объясните ему, что во Франции была своя культура, что дело не в том, как выстроить рикш, а в том, почему французы под фашистской оккупацией стали рикшами, – он не поймет. Он гордится тем, что он не думает. Его дело – бить по голове.

Как только эти дикари ворвались в Париж, они состави-

ли «список Отто» – список французских книг, подлежащих уничтожению. В нем были французские и переводные романы, классики, стихи... Они придумали зажигательные бомбы. Я видел работу этих бомб. В Туре они сожгли библиотеку с рукописями Бальзака. Сожгли древний Руан с его музеями и замечательными памятниками старины. Жалкие варвары!

Я видел, как они обобрали Францию: пришли туда тощими и жирели у нас на глазах. Когда они входили в Париж, они не радовались – не до этого было – шли и ели, ели, ели. Напечатали фальшивые деньги – «оккупационные» марки, которые не имеют хождения в Германии, раздали их своим солдатам и все «скупчили» в две недели. Денщики надрывались – таскали ящики, сундуки, кули всяческого добра, награбленного офицерами. Богатая Франция превратилась в пустыню.

Я проехал по Бельгии, по Голландии – то же зрелище – развалины и голодные бездомные люди. Здесь прошли кочевники. Их экономика проста. Они отбирают все молоко. Тогда крестьяне поработенных стран убивают скот. Они реквизируют все яйца. Крестьяне уничтожают кур. Они забирают весь хлеб. И крестьяне больше не сеют.

Они вывезли оборудование заводов и дверные ручки, музейные картины и дамские чулки... Я видел поезда с их «трофеями», они шли из Парижа в Берлин. Они были набиты краденым чужим добром.

Фашистские разбойники не только грабят – они мучают, убивают; это злая орда. Они знают, как унижить человека.

Великая радость – родной язык, на котором человек впервые услышал слова ласки, язык матери. Фашисты преследуют языки порабощенных народов. Они заменяют старые имена немецкими. В парижских театрах они выпускают немецких актеров. В голландских школах они учат детей по-немецки, голландский язык, по их мнению, – «наречие». Недавно восемьдесят две тысячи чешских учителей отправлены на полевые работы: зачем учить детей низменному чешскому языку? Пусть лучше копают землю – победители любят картошку...

Они оскорбляют тупо, по-фашистски – вот тебе мой сапог!.. Французов они называют «негроподобными». В Варшаве они устроили кино, куда доступ полякам запрещен, – видите ли, убийцам не нравится запах поляков!.. Они снесли памятник Адаму Мицкевичу.

В одном из норвежских городов они переименовали улицу Нансена в улицу Геринга.

Они превратили миллионы людей в рабов. В Голландии введена смертная казнь за отказ работать на немцев. Голландцев и бельгийцев насильно посылают в Германию на каторжные работы. Как арестанты работают два миллиона французов – это «военнопленные». О поляках Геббельс с презрением сказал: «Чересчур плодовитая раса! Если убить сто тысяч, ничего не изменится...»

Они убивают методично, аккуратно, изо дня в день. Бельгийцев юношу Лефевра и девушку Гуни – казнить: они пря-

тали подозрительных людей. Вот француз Дюкан – казнить: он слушал английское радио. Вот поляк Стрешевский – казнить: он не уступил дороги господину обер-лейтенанту. Они неистовствуют в Бергене и в Белграде – от моря до моря.

В шведской газете напечатана корреспонденция из Гдыни. Это скромный сухой рассказ. Гестапо в Гдыне помещается на Герингштрассе. Фашисты жалуются – они потеряли сон. В гестапо приводят поляков, арестованных лишь зато, что они говорили по-польски. Поляков пытаются научно, цивилизованно. И нецивилизованные поляки кричат. А это мешает фашистским чиновникам наслаждаться покоем.

На далеком Севере, на Лофотенских островах, фашисты пытали шестьдесят восемь рыбаков – хотели узнать, кто помогал англичанам во время десанта. Я был на Лофотенских островах. Там живут сильные, отважные люди. Они привыкли к шторму, к океану, к смерти. Но никогда прежде они не имели дела с фашистами. Из шестидесяти восьми двадцать девять скончались от какой-то таинственной эпидемии.

Миллионы разноплеменных людей, доведенных фашистами до отчаянья, с ненавистью смотрят на палачей. Начинается борьба в фашистском тылу. Еще спокойно на улицах Парижа, но победители насторожились. Они боятся заходить в рабочие кварталы. Они сидят в дорогих кафе и допивают последние бутылки шампанского под охраной часовых. Одиннадцатого ноября парижские студенты выбросили с третьего этажа фашистского офицера, который оскорбил францу-

женку. Это было сигналом. С той поры время от времени офицеры и солдаты германской армии исчезают. В Польше немецкие газеты каждый день пишут о «бандитизме».

В Роттердаме немцы избивали дубинками детей, которые несли цветы на могилы жертв прошлых бомбардировок. В Моравской Остраве фашисты порезали бритвой лицо девушке – у нее нашли ленту с национальными чешскими цветами. Мне тяжело вспоминать об этих низких делах.

Фашисты до сих пор имели дело с беззащитными жертвами. У голландцев, норвежцев, датчан не было армии. Во главе Франции стояли французские фашисты. Они встретили своих единомышленников не бомбами, но цветами. Французский народ предали: ему не дали возможности обороняться, а там, где небольшие отряды оказывали сопротивление, фашисты растерянно останавливались. Так, городок Сомюр на Луаре защищали двести курсантов – против воли командования: и двести подростков сорок восемь часов отбивали атаки германской дивизии.

Они, может быть, думали, что советский народ испугается? Может быть, они думали, что застанут нашу страну врасплох, как они застали врасплох Югославию, во главе которой почти до рокового дня стояли фашистские лакеи? Они горды «походом» на Югославию. Они не говорят, что у югославов не было противотанковых пушек, что орудия там тащили волы. Они упоены «взятием Парижа». Они молчали о том, что Париж был им сдан генералом Денцем.

Я не забыл того дня, когда услышал на улицах свободолюбивого Парижа топот фашистской орды. Зимними ночами мне мерещился Лондон – его древности и дома терзали бомбы фашистов. Потом, как легендарный витязь Янко, в неравной борьбе, истекал кровью югославский народ. Тяжелые дни...

Мы не хотим для себя чужих земель, мы сражаемся за нашу землю, за нашу свободу, и зрелище нашего мужества наполнит надеждой сердца поработанных Гитлером людей.

25 июня 1941

Гитлеровская орда

Я видел немецких фашистов в Испании, видел их на улицах Парижа, видел их и в Берлине.

Они разговорчивы. В Париже они жаждут душевного общения – им скучно: никто с ними не хочет разговаривать. Они охотно обнажают перед миром свою несложную, но «оригинальную» душу.

Они горды своей «культурой». Об Испании они говорили: «Дикая страна». В Париже они негодовали: «Какой грязный город – разве что для негров!» Испанцы первые узнали, что такое фашистская культура. Потом с этим ознакомились чехи, поляки, французы, норвежцы и десяток других народов.

Потом началось мирное разрушение. Крестьянам объявляли: «Уходите! Мы устраиваем маневры...» И деревню сжигали. С заводов вывозили оборудование. Вырубали прославленные плодовые сады Франции. Людей арестовывали и расстреливали. Книги сжигали.

Они пришли в Париж, как корректные туристы: им приказали вести себя прилично. Но неделю спустя прорвалась звериная сущность фашизма.

Самым безобидным занятием был грабеж. Конечно, фашисты грабят организованно – они напечатали в огромном количестве «оккупационные марки» – эти деньги не имеют хождения в Германии, это – фальшивые деньги, но печатают

их не частные фальшивомонетчики, а гитлеровское правительство. Приказали открыть все склады, все магазины. Послали расторопных денщиков, грузовики.

Вот несколько сцен – действие происходит в Париже.

Ресторан. Заходит немецкий офицер. Первый... Девушка-подавальщица надевает пальто: «Не хочу ему подавать!» Он вежливо улыбается. Он читал романтиков и любит красивые жесты. Он только что-то шепчет своему спутнику: штатскому в новеньком парижском костюме. И девушку арестовывают.

Они расстреливали беженцев на дорогах. Вокруг Парижа стоял трупный смрад – от убитых стариков, женщин, детей. Они расклеили в городе плакат. Он изображал немецкого солдата, защищающего женщину с детьми. На руках у солдата – грудной ребенок. (Эти звери никогда не забывают посюсюкать!) На плакате было написано: «Вот покровитель французского населения», а ниже: «За повреждение плакатов – смертная казнь».

Они методично унижали французов. Когда в Компьене был поставлен трагический фарс и французским капитулянтам продиктовали позорнейшие условия перемирия, парижское радио передало: «Гитлер проявил свое великодушие. В палатке, предоставленной французским парламентариям, были графин с водой и стаканы». Да, эти «рыцари», засунув в карман Францию, великодушно дали французским генералам глоток французской воды!..

Потом пошли приказы – за что полагается расстрел. За многое... Один слушал английскую радиопередачу, другой сказал, что англичане бомбили Кельн, третий накормил племянника, который пробирался в Лион, четвертый «не проявил уважения к германскому флагу», пятый... Нет места перечислять: они убивают, потому что они должны убивать – в этом их сущность.

Особенно отличаются офицеры. У них породистые физиономии дегенератов. По фашистской теории это – образцы хорошей германской породы. Ведь фашисты подходят к человеку как к племенному быку или к породистому кобелю... С солдатами офицеры высокомерны, даже грубы. Я видел, как офицер выкидывал солдат из вагонов: в воздухе висела ругань. Офицеры после воинских трудов развлекаются: покупают дамские чулки для милых невест и ночи проводят в домах терпимости. В Париже первым делом они облюбовали полсотни таких домов и написали на дверях: «Только для господ военных».

Сорокалетние солдаты стараются быть мягче с населением: они помнят прошлую войну. Тогда тоже победа была за победой. А кончилось все разгромом и голодом. Они не забыли об этом. Когда я их спрашивал: «Что будет дальше?», они только вздыхали.

Молодые солдаты выдрессированы фашистами: их с раннего возраста отучали думать. Они повторяют фразы лейтенантов и фельдфебелей. Однако иногда в их головы про-

скальзывают первые смутные мысли. Тогда они морщат лоб, как трехлетний ребенок. Я заметил, что процесс мышления просыпается в них от хорошего шума – те, что побывали во фландрской битве, уже проявляли некоторую способность думать, говорили: «Еле спаслись. Это был ад. Ужасная вещь война! Наши танки давили наших раненых – торопились... Сколько трупов сожгли!...» Для фашистского солдата это было уже сложной философской системой...

Что говорят другие, еще девственно невинные? «Мы должны организовать весь мир. Англичане не хотят, чтобы мы их организовали. Но мы их заставим... (Здесь солдат иногда добавляет: «Я надеюсь, что мой полк туда не пошлют...») Потом мы должны организовать Россию. Это очень большая страна. Страшно подумать, какая большая». (Здесь солдат про себя мечтает – может быть, меня туда не пошлют?)

Они привыкли к легким победам. В Голландию, даже в Париж они отправились, как на базар – добра много и добро плохо лежит... Я слышал, как они кричали: «Через месяц мы будем в Лондоне». Англичане ответили: «Мы вас ждем. И рыбы в море вас тоже ждут». Здесь фашисты вдруг начали бормотать, что им не к спеху в Лондон, могут подождать – и они, и англичане, и особенно рыбы.

Наиболее способные думать говорили: «Побед много, а результатов нет...»

Они вытоптали захваченные страны. Снова перешли на

голодный паек. Когда я был в Берлине, одна бедная женщина увидела у моей жены кусочек сыра. Она нервно спросила: «Откуда это у вас?» Жена ответила: «Из Франции». И немка вполне искренно воскликнула: «Счастливые французы!..» Да, она позавидовала побежденным французам: ее мучил голод и она не знала, как заменить кусок хлеба десятком побед.

И вот предводитель дикой орды заявил: «Есть еще одна неразграбленная страна, и какая!..» Правда, для дипломатов он придумал другое объяснение – нельзя же всем сказать – «мы решили пограбить».

И орда двинулась. Бесспорно, у многих фашистов ноет сейчас под ложечкой. Я уж не говорю о сорокалетних: эти-то помнят, как кончаются украинские авантюры... Но и среди молодых есть люди поскромнее, те самые, что вздыхали: «Очень большая страна...» Пространство их несколько смущает. Правда, фашистские генералы говорят, что в наш век пространство не имеет значения, но солдаты предпочитали бы пойти походом на государство поменьше, скажем на Швейцарию или на Португалию...

Я, конечно, не преувеличиваю силы этих сомнений. Как я уже сказал, фашисты не умеют думать до первого удара. Они начинают слушать чужие радиопередачи только после того, как они ознакомились с голосами снарядов. Они пошли на нас, привыкшие к безнаказанным набегам. Им сказали, что они идут в баснословную страну – там на каждом дереве растут французские булки. Они уже глотали слюнки... Их

ожидает разочарование. Конечно, тучны наши поля и сады. Но не для врага вызревают плоды, не для врага колосятся нивы. Для врага у нас не булки, а бомбы, враги живыми назад не уйдут.

26 июня 1941

Париж под сапогом фашистов

В эти суровые дни я вспоминаю прекрасный, свободололюбивый Париж. Его предали сообщники немецких фашистов. Военный губернатор, генерал Денц не только объявил Париж «открытым городом», он приказал стрелять по всем, кто вздумает защищать столицу. Население покинуло Париж. Старики уходили пешком, говоря: «Мы не хотим жить под ними...» Немецкие фашисты вошли в пустой город. Они удивленно спрашивали: «Правда, что это Париж?..» На параде, который они устроили, присутствовало сорок – пятьдесят проституток. Их засняли кинооператоры и потом показывали как «население Парижа». Застрали в городе несколько сот тысяч несчастных людей: больные, инвалиды, женщины с детьми. Они сидели в домах с закрытыми ставнями. Я глядел, как фашисты шагали по пустынным улицам. На одном углу стояла мать с маленьким ребенком. Она закрыла мальчику глаза и сказала мне: «Только чтобы он не видел...» Старушка выглянула из ворот; германский офицер хотел ее сфотографировать: она закрылась и крикнула: «Лучше убей!..»

Неделю спустя немцы стали пригонять беженцев с дорог. Они вернули четверть населения. Люди возвращались в родной город, как в тюрьму. Улицы по-прежнему были пусты. Париж узнал, что такое сапог германских фашистов.

Ресторан. Заходит немецкий офицер. Молоденькая пода-

вальщица снимает фартук, говорит: «Я ему не буду подавать» – и уходит. Метро. Контролер пробивает билеты. Подходят фашисты, они, конечно, не утруждают себя покупкой билетов. Контролер уходит: «Не хочу работать на них!...»

Интервененты напечатали «оккупационные марки», роздали эти фальшивые деньги своим офицерам и солдатам, начали «покупать». При мне один офицер забрал девятьсот пар дамских чулок. Денщики выносили ящики, кульки. Когда я уезжал из Парижа, я увидел багажные вагоны воинского поезда на Берлин. Они были набиты награбленным добром. Фашисты все забирали – от яиц до дверных ручек, от мыла до музейных картин. А магазины, которые были заперты, они попросту взломали.

Маленькая гастрономическая лавочка. Приходит фельдфебель, кричит: «Где кофе?...» Хозяйка отвечает: «Кофе больше нет». Я перевожу. Немец негодует: «Позавчера было. Куда спрятали?» Я перевожу: «Кофе теперь в Германии. Пускай господин фельдфебель съездит за кофе в Берлин». И хозяйка говорит мне: «Арестуют? Убьют? Что же, под ними нам не жить...»

Немецким фашистам выдавали в день двести пятьдесят граммов награбленного масла. Население было обречено на голод: оно получало в день пятьдесят граммов хлеба, сто сорок граммов мяса в неделю. Германские офицеры в ресторанах пожирали по курице на человека, яичницу из десяти яиц и, усмехаясь, смотрели на голодных парижан, которые

стояли в очередях, надеясь получить восьмушку хлеба.

Фашисты унижали гордый город. Они маршировали по площади Конкорд, по прекрасной площади, о которой Маяковский написал: «Эта площадь оправдала б каждый город», и пели: «Французы – дикие свиньи. А мы их заколем! А мы их заколем! Мы умеем коптить окорока...» Они показывали во всех кино фильмы: бомбардировка Парижа, парад на Елисейских полях, расстрел беженцев на дорогах, с надписями: «Вот судьба чересчур горделивой Франции!» Они сносили памятники французским полководцам. Они повсюду повесили свои флаги с отвратительным пауком – свастикой. На центральной улице Рояль поместился фашистский штаб. Парижане должны были сходить с тротуара, проходя мимо. Фашистская полиция – гестапо каждый день хватала людей. Арестовали и гордость мировой науки профессора Ланжевена и тысячи рабочих. За уничтожение немецких плакатов смельчакам был обещан расстрел. Фашисты наняли помощников – ренегата Дорио, Лаваля, которого всегда можно было купить оптом и в розницу, и еще сотню предателей. Никто больше с захватчиками не общался. Разве что проститутки...

Оккупанты живут в пустыне. Когда они заходят в кафе, французы уходят. Когда раздаются звуки сирены, возвещающей воздушную тревогу, французы демонстративно аплодируют: приветствуют бомбардировщики, которые прилетели бомбить германских фашистов. Оккупанты провозили по ули-

цам Парижа пленных англичан-летчиков с надписью: «Вот люди, которые уничтожают французские города». Население Парижа устроило пленным овацию. Люди говорят: «Все, кто против Гитлера, – за нас...» В ноябре на Елисейских полях студенты устроили антифашистскую демонстрацию. Многие были убиты. Восемнадцать студентов фашисты расстреляли. Но студенты не уgomонились. Пришлось закрыть все школы, а сотни студентов были отправлены в концентрационные лагеря, где палачи с восьмилетним стажем пытаются заключенных. Парижане, доведенные до отчаяния тупостью и жестокостью немецких фашистов, идут на все. Так, например, из кафе «Даркур» выкинули с третьего этажа германского офицера, который оскорбил француженку. Недавно на узенькой улочке в квартале Сен-Поль ночью подстрелили двух оккупантов. В Сене возле Сен-Клу выудили труп немецкого полковника.

Оккупанты хотели заставить французских рабочих работать на себя. На заводах Ситроена, Рено, «Гном» они решили ремонтировать самолеты и танки. Что же, парижские рабочие поработали! Отремонтированные самолеты недалеко улетели. Танки застряли под самым Парижем. Искали, кто подстроил, и не нашли. Рабочие были единодушны. Тогда германские фашисты стали насильно отправлять парижских рабочих в Германию – на каторжные работы.

Французские патриоты передали по радиостанции, не подчиненной немецкому контролю: «Пишите на всех стенах

города букву V – первую букву слова Victoire (победа)». Патриоты хотели проверить, много ли парижан слушают их тайные радиопередачи. И три часа спустя все стены были покрыты буквой V – ее писали мелом, углем, краской. Она глядела на оккупантов отовсюду.

Даже дети, парижские «гамены» – озорники и насмешники – поют в лицо фашистским офицерам: «Ты врешь, ты врешь, ты скоро отсюда уйдешь» – на мотив старого сентиментального романа.

Французский народ был жестоко наказан за свою беспечность, за привязанность к легкой жизни, за то, что он позволил фашистской «пятой колонне» занять командные посты. Теперь французский народ закалился. Он готов кинуться на захватчиков. Я знаю отвагу французского народа – я видел Марну и Верден. Я понимаю, почему пугливо озираются по сторонам немецкие фашисты в мнимо спокойном Париже. Мальчишка поет: «Ты скоро отсюда уйдешь...» Конечно, им придется не уйти – убежать из Франции. Но не все убегут...

Я видел фашистских убийц там – в Париже. Я их хорошо знаю... И вот в короткую июньскую ночь они налетели на наши города. Кровь пролилась на улицы моей родины, древнего Киева. Кто затеял эту войну? Честолюбивый и жестокий маньяке мутными блуждающими глазами. Он мечется по Европе, ищет спасения, среди всех побед он чует неминуемую гибель. И этот изверг пошел на нас.

Уходят на фронт наши сыновья. У женщин сухие глаза.

Ни криков, ни слез. Весь мир знает — мы не хотели этой войны; мы строили дома, прокладывали дороги, выращивали сады. Войну нам навязали. Страшен гнев миролюбивого народа. Мы воспитаны не под стеклянным колпаком, не в инкубаторах, мы привыкли к трудностям. Мы знаем, что эта война будет трудной, не на жизнь — на смерть. Но мы знаем также, что мы не уступим.

Враги ищут на нашей земле легкой поживы, они найдут смерть. Один фашистский профессор написал «ученый труд»: «Сколько немецких колонистов можно поселить на русской земле». Они увидят, сколько трупов немецких фашистов может принять советская земля.

26 июня 1941

3 июля 1941 года

Стоят невыносимо жаркие дни. Люди одеты по-летнему, и Москва кажется большой дачей. Днем можно забыть о войне. На Пушкинской площади, как всегда, продают цветы. Напротив Кремля есть кафе с террасой: красноармейцы, девушки, служащие в майках с портфелями едят мороженое.

У домашних хозяек много новых забот: затемняют дома, оклеивают оконные стекла матерчатыми полосками. Повсюду занятия противовоздушной обороны. Почтенные мамы учатся тушить зажигательные бомбы, которые молоденькие инструкторы сокращенно и презрительно называют «забамми».

Вечером в переулках все сидят или стоят возле домов: обсуждают различные слухи. А слухов много: дурных и хороших. Один рассказывает, что Красная Армия подошла к Варшаве, другой, что немцы возле Москвы.

Многие москвичи просыпаются с петухами: хотят поскорее услышать военную сводку, ее передают в шесть часов утра.

В школах – на призывных пунктах – молчаливые, серьезные люди. Вокруг школ – женщины: матери, жены; на войну уходят без бравады и без страха. Поражает ранняя суровость на молодых, еще не затвердевших лицах.

Отдельные командиры, приезжающие на несколько часов

с фронта, рассказывают о драме пограничных гарнизонов. Немцы напали исподтишка. Была ночь на воскресенье. В клубах танцевали.

Наши части оказывают ожесточенное сопротивление, но немцы продвигаются вперед. Все дороги загромождены беженцами. Еще не обстрелянные бойцы с тоской говорят о немецких танках.

Возле редакции «Известий» – большая карта театра военных действий. Стоят люди, смотрят и молчат. Где сейчас немцы?.. В сводке сказано: «превосходящие силы противника»...

Москва еще не понимает опасности. Здесь все смешалось: и уверенность в победе, и беспечность, сила и слабость.

Телефонный звонок разбудил меня в 4 часа утра: вызвала редакция – «слушайте радио». Я догадался, кто будет говорить. Речь Сталина потрясла всех. Она была глубоко человеческой. Каждый почувствовал, что Сталин обращается именно к нему, с первой же фразы: «К вам обращаюсь я, друзья мои!» Сталин сказал об опасности: нужны большие жертвы и большое мужество.

Спесивые хвастуны из гитлеровской банды

Утром 3 июля вся советская страна услышала слова главы правительства. Мужественно они прозвучали среди тишины раннего часа. В них была суровая правда о вероломном нападении врага, о захваченных им землях, о ранах, которые он нанес нашим городам. В них была и глубокая, непоколебимая уверенность в победе...

Гитлер хвастливо трубит о непобедимости своей армии. Фашистская Германия, называющая себя «Третьим рейхом», немало заимствовала у Рейха Гогенцоллернов. Идея завоевания Европы мерещилась в свое время и кайзеру Вильгельму. План молниеносной войны задолго до Гитлера разработали генералы Вильгельма. Война 1914–1918 годов была первой попыткой Германии достичь мирового господства.

Та война началась с ошеломляющих успехов немцев на Западном фронте. «Мы непобедимы», – повторяли немецкие командиры, приближаясь к Парижу. Французская армия, потерпев поражение у Шарлеруа, в беспорядке отступала к столице. Я видел это отступление – артиллеристы кидали орудия, садились на коней. Правительство переехало в Бордо. Однако патриотизм французского народа, находчивость некоторых командиров и хорошая полевая артиллерия

нанесли первый удар мифу о непобедимости германской армии. На Марне немцы были разбиты и откатились к Эне. Я видел Верден – сотни тысяч людей положили немецкие генералы, чтобы завладеть этим сметенным с лица земли городом: они хотели спасти миф о непобедимости. Они его не спасли.

У Германии тогда тоже были десятки побед: ее солдаты стояли в Лилле и в Нише, в Остенде и в Риге. Все помнят, как кончилась эта генеральная репетиция. Бросая пожитки, удирали немцы с Украины. Союзники заставили немецкое командование капитулировать. Не помогли «чудеса техники» той эпохи – колоссальные пушки «Берты», громившие Париж, и «цеппелины».

Гитлер дает своим солдатам не только немецкую сивуху «шнапс», он одурманивает их мифом о непобедимости германской армии.

На первый взгляд победы Гитлера могут показаться внушительными. Он завоевал и норвежских рыбаков, и греческих виноделов. Однако, если присмотреться к этим победам, они покажутся скорее театральными эффектами, нежели торжеством оружия. Можно ли всерьез говорить о сопротивлении Норвегии или Голландии, у которых не было армий? Югославия не готовилась к обороне. Во главе ее стояли приказчики Гитлера. Немцы распоряжались там, как у себя дома. Новое правительство не успело ничего сделать; не успело даже провести мобилизацию.

Во Франции один немецкий офицер, горделиво ухмыляясь, спросил меня: «Как вам нравится наш поход на Париж?» Я не знал, что ему ответить: захват Франции вряд ли может быть назван военным походом. Французские фашисты, те самые, что теперь в Виши пресмыкаются перед Гитлером, выдали армию и страну. Однако там, где отдельные части французской армии оказывали сопротивление, «непобедимая» немецкая армия останавливалась. Французское верховное командование делало все, чтобы сорвать оборону страны. Четвертую танковую дивизию генерала де Голля, которая отеснила немцев у Лана, отказались перебросить к Амьену, где шла решительная битва. Генерал Корап предал девятую армию и открыл ворота страны перед немцами. Генерал Денц приказал стрелять по всем, кто вздумает защищать Париж. И все же бои вокруг Арраса, защита Сомюра и Тура, защита дотов в Лотарингии показывают, что немецкая армия легко переходит от опьянения своими успехами к отчаянию, как только натывается на отпор.

Наиболее яркую картину такого спада, уныния мы видели в истории «похода на Англию». Гитлер обещал своим солдатам быть в Лондоне 15 августа 1940 года. Это торжество неоднократно откладывалось. Оно не состоялось и до наших дней. Вначале немцы говорили: «Что нам стоит взять маленький островок? Лондон не устоит перед парашютными десантами. Англичане сами поймут, что мы непобедимы». Такие разговоры я слышал прошлым летом. Виноград ока-

зался зелен. Тогда Гитлер, озлобившись, стал бомбардировать Лондон и другие города Англии. Он попытался устрашить англичан и не сумел. Миф о непобедимости стал многим немцам казаться только мифом...

Бесспорно немецкая армия – сильная современная армия, с большим количеством мотомеханизированных частей, сточной организацией транспорта и связи. Однако это армия государства, построенного на обмане, и только. Ее сила – моторы и тот миф о непобедимости, который Гитлер подносит вместо шнапса своим солдатам. Стоит нанести этой армии удар, стоит остановить ее, как солдаты протрезвятся, расстанутся с мифом и сила армии тотчас понизится.

Гитлер, как азартный игрок, потерял голову, он сейчас все поставил на карту. 19 сентября 1939 года маршал Геринг заявил, что победа Германии обеспечена, так как благодаря уму Гитлера, ей не придется сражаться на двух фронтах. Теперь Германия благодаря «уму Гитлера» получила два фронта: восточный и западный. Расчет Гитлера ясен: взять с нахрапу – это ставка на молниеносную победу. Но первые описания боев, которые дошли до нас, говорят о том, что на советской земле будет навеки похоронен миф о непобедимости немецко-фашистской армии.

Немецкое радио, рассказывая об упорном сопротивлении Красной Армии, добавляет: «Русские солдаты проявляют необычайный фанатизм». В этих словах сказывается начало отрезвления: они, видимо, рассчитывали на прогулку. А

«фанатизмом» они называют любовь советских людей к родине, сознательность наших рабочих и крестьян, истонное мужество, храбрость и отвагу русского солдата.

Достаточно напомнить о судьбе 39-го танкового корпуса. Им командовал любимец Гитлера генерал Рудольф Шмидт. Этот генерал прославился в Польше и во Фландрии. Одно его имя успокаивало гитлеровских солдат – генерал считался непобедимым. Что же, 39-й корпус был уничтожен бойцами Красной Армии, и генерал Рудольф Шмидт увидал перед смертью не победу, но поражение.

Немецкая газета «Локаль анцейгер», подбадривая своих солдат, пишет: «Теперь не времена Наполеона – у нас моторы...» Действительно, Наполеон вез своих солдат на возах, а моторизованные части гитлеровской армии продвигаются в автомобилях. Но это – путь на восток... На запад солдаты Наполеона убегали пешком, да и немногие из них убежали. Задумались ли над этим гитлеровцы, сидя в автомобилях?..

Все знают, что моторы играют огромную роль в современной войне. Есть моторы и у Красной Армии. Но решают дело люди. Надо ли указывать на превосходство наших людей? Каждый красноармеец знает, за что он сражается. Он знает, что это – бой не на жизнь, а на смерть. Захватчики идут на нас, опьяненные мифом о своей непобедимости. Протрезвление будет страшным. Каждая пядь удержанной советской земли, каждый подбитый танк, каждый уничтоженный самолет, каждый убитый гитлеровец приближают неизбежный

час – их протрезвления и нашей победы.

4 июля 1941

Бешеные волки

В далекие идиллические времена Адольф Гитлер увлекался невинным делом – живописью. Таланта у Гитлера не оказалось, и его забраковали как художника. Гитлер, возмущенный, воскликнул: «Вы увидите, что я стану знаменитым!» Он оправдал свои слова. Вряд ли можно найти в истории нового времени более знаменитого преступника. В крохотной рыбацкой деревушке норвежка, оплакивая сына, расстрелянного немецкими фашистами, повторяет: «Гитлер», и на другом краю Европы серб, деревню которого сожгли немцы, с ненавистью говорит: «Пес Гитлер!..» На совести этого неудачливого живописца миллионы человеческих жизней.

Человек среднего роста, с усиками, с мутными глазами, никогда не глядящими на собеседника. У него хриплый неприятный голос, в своих речах он переходит на лай. Говорит он истерически, потрясает кулаками, входя в раж, выплевывает скороговоркой длинные заклинания. Это шаман, но шаман особого типа – хитрый и расчетливый. Толпе кажется, что он в экстазе, но он, брызгая слюной, что-то прикидывает. Когда он беседует с Крупном или с заправилой «Стального треста» господином Фогелем, не кричит и не плюется – он привык почтительно разговаривать с королями Рура.

Его страсть – ложь. Он лжет ежечасно, лжет дипломатам и своим сподручным, лжет, когда пишет и когда говорит, –

он не может не лгать. Он жал руки французским министрам и вслед за этим говорил: «Франция – вот мой смертельный враг!» Он кричал на митинге: «Для меня священные идеалы немецкого рабочего» и тотчас шептал Штрассеру: «Рабочие не хотят ничего, кроме хлеба и зрелищ, – у этих людей нет идеалов». Хлеба рабочим он не дал: перевел всех на паечную восьмушку. Зато он щедр на зрелища: разрушенная Европа. Он начал свою политическую карьеру скромно: был шпи-ком на рабочих митингах. Он кончает ее, как Нерон, который поджег Рим и воскликнул: «Великий артист погибает!..»

Он мстителен и злобен. Он убил своих лучших друзей во главе с Ремом. Он приказал пытать журналистов, которые когда-то непочтительно о нем отзывались.

Это дурной комедиант. Он построил себе дворец на горе. Закоренелый убийца, он вегетарианец: его оскорбляют страдания ягнят и волов. При нем нельзя курить, и этот человек, который провел десять лет в накуренных пивнушках, не смущаясь, говорит: «Никто никогда не курил в моем присутствии». Он любит сниматься с детьми и собаками – хочет показать, что у него «нежная» душа. Гиммлер ежедневно представляет ему доклады о пытках, о казнях. Он написал: «Нет выше наслаждения, чем подвести поверженного соперника под нож».

Он ненавидит Россию и русский народ. Он заявил: «Народ, который считает Толстого великим писателем, не может претендовать на самостоятельное существование».

С начала войны он лишился сна. Его глаза стали еще мутнее. Шведский журналист, который был к нему недавно допущен, пишет: «Гитлер производит впечатление человека, потерявшего душевное равновесие». Швеция – нейтральная страна, и журналист выражался корректно. Гитлер производит впечатление буйно помешанного. В первую зиму войны он выступил в мюнхенской пивной с очередной кликушеской речью. Полчаса спустя в пивной взорвалась адская машина. Судьба не захотела, чтобы он погиб столь легкой смертью.

Он снялся в Париже на фоне Эйфелевой башни. Он приехал в пустой город тайком, как вор. Его охраняли пулеметы – от пустых улиц, от парижских камней. Теперь он больше не уснет – ему не помогут никакие снотворные. Он мечется по своему дворцу: он видит танки, подбитые на дорогах Полесья. Он видит близкую расплату.

Сподвижник Гитлера маршал Герман Геринг спесив, как индюк. Он обожает титулы и ордена. Еще больше он обожает деньги. Он стоит во главе металлургического треста «Герман Геринг» – он наживается на каждой пушке, на каждом снаряде. У Геринга в бразильском банке текущий счет, и на этом счету миллион двести пятьдесят тысяч долларов – маршал отложил доллары на черный день, когда Гитлера и его шайку выгонят из Германии.

Вполне естественно, что этот человек провозгласил: «Лучше пушки, чем масло» – он считал дивиденды. Он чрез-

вычайно тучен. На одном из собраний, перед отошавшими берлинцами, которые давно забыли, что такое масло, Геринг, хлопнув себя по огромному животу, воскликнул: «Видите, и я похудел, я отдал несколько кило дорогому отечеству!»

Геринг один из крупнейших капиталистов Германии. Теперь он прикарманил бельгийские и французские заводы. Война для него выгодное дело. Это не мешает ему говорить: «Мы сражаемся против плутократии».

Он кровожаден, как его хозяин. Он публично заявил: «Мое дело не наводить справедливость, а уничтожать людей». Он любит парадные казни. Он обдумал ритуал: палач должен быть в черном сюртуке, в черных перчатках, в цилиндре. Палач отрубает голову топором – как в средние века. А Геринг смотрит и улыбается.

У него в Берлине шесть квартир. В одной из них, скромной, – тридцать две комнаты.

Он любит «мокрые» дела. Он поджег рейхстаг и обвинил в поджоге коммунистов. Он вывез из Парижа античные статуи – себе в ванную комнату. Он как-то сказал: «Мне все равно, куда стрелять, лишь бы выстрелить...» До прихода к власти Гитлера берлинский суд отобрал у Геринга ребенка, ввиду того, что отец был признан морфинистом и невменяемым. Честные немецкие судьи не хотели доверить этому спесивому убийце одного ребенка. Гитлер доверил ему сто миллионов покоренных людей. Геринг сентиментален. Он запретил вивисекцию – опыты над животными – и заявил, что винов-

ные в нарушении этого приказа будут посажены в концлагеря. Как смеют ученые терзать морскую свинку? Всыпать им сто горячих!

Доктор Геббельс с виду похож на отвратительную обезьяну: крохотного роста, гримасничает, кривляется. В отличие от маршала, Геббельс вложил свои сбережения в аргентинский банк. Там у него припасено свыше миллиона долларов. Говорят, что обезьяны легкомысленны, но доктор Геббельс думает о своем будущем.

Гитлер начал с картинок, Геббельс с романов. Увы, и ему не повезло. Его романы никто не покупал. Геббельс потом разъяснил: «Это были козни марксистов...»

В своем главном романе Геббельс поносил русских. Породистый немец Михель говорит русскому с несколько вычурной фамилией Венуревский: «Вас надо покорить, истребить!..» Вряд ли доктор Геббельс теперь отправился «истреблять» русских: это отъявленный трус, который, даже когда нет тревоги, забирается в бомбоубежище.

Гитлер поручил доктору Геббельсу высококультурное дело – народное просвещение. Выбор был сделан не случайно – ведь Геббельс заявил: «Когда при мне заговаривают об интеллекте, мне хочется выхватить револьвер». Приступив к работе, Геббельс сжег на кострах двадцать миллионов книг – он мстил читателям, которые предпочитали какого-то Гейне Геббельсу. Он говорил: «Меня тошнит от печатного слова». Это не вполне точно – свои печатные и непечатные слова он

обожает. Он выгнал из Германии всех писателей. Зато, когда гитлеровцы вошли в Париж, в газете на французском языке, которую они начали издавать, было напечатано: «Величайшим благом для французской культуры будет ознакомление с трудами Геббельса».

У шайки есть свой философ – балтийский немец дворянин Альфред Розенберг. Он закончил образование в Москве в 1918 году. Да, в голодный год этот остзейский проходец ел русский хлеб. Потом он набил себе руку на поношении русского народа. Он писал: «Обуздаем народ, отравленный Толстыми!» Он торговал Советской Украиной, как будто она лежит у него в кармане. Он написал большой философский опус «Миф двадцатого века» – компиляцию из брошюр русских черносотенцев. Он приютил банды белогвардейцев – он мечтает стать Бироном или Минихом. Приехав в захваченный гитлеровцами Париж, Розенберг потребовал, чтобы ему устроили доклад в здании, где прежде помещался французский парламент: он хотел унижить французский народ. В своей речи он сказал, что идеи французских просветителей «нужно выбросить в мусорный ящик». Он «выкидывал» идеи, а сам объезжал парижские магазины и «закупал» различные сувениры.

До войны он состоял во главе особого ведомства, которое занималось шпионажем и диверсиями. Он требовал «освобождения немцев, которые томятся под игом чехов и французов». Однако особенно его привлекала Украина: он хотел

обязательно освободить Украину от украинцев. Теперь он главный советчик Гитлера: ведь герр Розенберг говорит по-русски, и он выпил на брудершафт со всеми царями, претендующими на российский престол.

Генрих Гиммлер не интересуется философией; это практик – он стоит во главе тайной полиции гестапо. Его занимают слежка, концлагеря, пытки и казни. В самой Германии он посадил под замок миллион антифашистов. Потом он приступил к другим странам. Он организовал гестапо в Париже, в Осло, в Белграде. Он стал пытать людей в европейском масштабе. Это садист в очках, тщедушный и отвратительный. Он был «чрезвычайным комиссаром» в Польше: убивал поляков, пытал польских патриотов, жег деревни, порол стариков, выдавал солдатчине девушек. Он гордо сказал: «Крамোла и я несовместимы» – эти палачи любят исторические фразы. Впрочем, как и другие представители гитлеровской шайки, Гиммлер отнюдь не верит в победу Германии. Он спешно перевел свыше двух миллионов долларов в Аргентину. Теперь этот палач с восьмилетним стажем сидит в немецком обозе и ждет – ему мерещатся виселицы, плаха, застенки. Может быть, в минуты просветления он утешает себя – как-никак его доллары – далеко – в Буэнос-Айресе...

Фон Риббентроп – дипломат. Его выпускают для разговоров с приличными людьми – ведь у фон Риббентропа приличные манеры. Прежде он был представителем крупной торговой фирмы – продавал шампанское. Он привык рас-

хваливать любой товар. Он расхваливал когда-то поддельное немецкое шампанское. Теперь он расхваливает «миролюбие и гуманизм» своей шайки.

Когда фон Риббентроп был в Лондоне, англичане, как спортсмены, держали пари – кто дольше высидит в комнате, где находится фон Риббентроп. Когда за год до войны фон Риббентроп приехал в Париж, полиция очистила все улицы – правительство боялось, что физиономия фон Риббентропа выведет из себя парижан. Сиятельный коммивояжер, увидев идеально пустой Париж, не смутился, он даже сказал: «На этот раз Париж мне особенно понравился...» Полтора года спустя он снова приехал в Париж и снова увидел пустой город: теперь не пришлось очищать улицы – в столице не осталось населения, люди ушли, чтобы не жить под ярмом гитлеровской банды. Зрелище пустых улиц не огорчило фон Риббентропа. Он поехал обедать – его ждали полные бутылки с настоящим французским шампанским.

Вот главные представители той шайки, которая правит Германией и которая теперь, с помощью шантажа, хитрости и наглости, захватила десяток чужих государств. Говоря о Гитлере и о гитлеровцах, будущий историк должен будет заглянуть в учебник зоологии, – это звери. В их руках покоренный или обманутый ими немецкий народ. В их руках немецкая техника – самолеты и танки. С ними незачем спорить, их надо уничтожить, как свору бешеных волков. Они вышли из своего леса, кинулись на наши города. Волков надо истре-

бить. Их не спасут ни танки, ни сейфы в Рио-де-Жанейро...

6 июля 1941

Людоед

Почему плачут вдовы в Норвегии и в Греции? Почему сожжен Руан, уничтожен Белград, разрушен Роттердам? В молодости некто Адольф Гитлер увлекался живописью, он мечтал стать Рафаэлем. Он был бездарен; его забраковали. Возмущенный, он воскликнул: «Вы еще увидите, что я стану знаменитым!» Он оправдал свои слова: все картины разрушения Европы подписаны его окаянным именем.

Немецкие фашисты, чтобы оправдать захват чужого добра, придумали «расовую теорию». Согласно этой теории германская раса отличается особой формой черепа и благородными чертами лица – поэтому немцы должны править миром.

Казалось бы, что сам Гитлер должен являться образцом «благородной германской расы». Предоставим слово виднейшему антропологу Германии профессору Макс фон Груберу. Этот профессор до воцарения Гитлера выступил в качестве эксперта на заседании мюнхенского суда. Вот что он сказал о внешности Гитлера: «Низкий покатый лоб, некрасивый нос, широкие скулы, маленькие глаза. Выражение лица выдает человека, плохо владеющего собой, одержимого».

Гейден рассказывает о дебютах Гитлера: «Он вошел в элегантно костюмированном с огромным букетом роз, поцеловал руку

хозяйки. Ему представили гостей. Он походил на прокурора, присутствующего при исполнении смертного приговора. Когда он заговорил, в одной из соседних комнат заплакал ребенок, разбуженный голосом Гитлера, исключительно громким и пронзительным».

Голос Гитлера невыносим – это хриплый лай, переходящий в острый визг. Говорит он, кривляясь, подпрыгивая, постепенно входит в транс, выкрикивает несвязные слова, как шаман. Он начал с демагогических речей в накуренных пивнушках Мюнхена. Озлобленные разгромом, инфляцией бюргеры упивались криками юродивого. Теперь Гитлер разыгрывает исступленного, он пытается подогреть толпу. Однако та душевная неуравновешенность, которая была ему присуща с ранних лет, вдруг путает все его расчеты – рейхсканцлер начинает вопить, как кликуша.

Прошное Гитлера темно. Сын австрийского чиновника, он продавал подозрительные открытки, наконец, стал шпииком – ходил на рабочие собрания и докладывал начальству о «смутьянах». Прошлым летом этот бывший шпиик торжественно въехал в пустой Париж и снялся на фоне Эйфелевой башни...

Гитлер начал свое политическое восхождение как ставленник хозяев тяжелой индустрии Германии. На собрании промышленников в Эссене Фоглер, Кирдорф, Тиссен признали его «спасителем». Гитлеру нужны были деньги, и немалые; он заявил промышленникам: «Спасайте вашего

спасителя!»

Рабочим Гитлер говорил: «Я уничтожу плутократию». Другим языком он разговаривал с крупными капиталистами: «Мы поделим ампула – вам остается экономика, я беру на себя политику». Его опорой стал заправила «Стаального объединения» миллиардер Фоглер. Гитлер сулил Фоглеру хорошие барыши – будет настоящая серьезная война! И Гитлер объявил немецкому народу: «От мира человек погибает, он расцветает только от войны».

Прекрасную технику Германии, трудолюбие и организованность ее народа Гитлер обратил на одно – на разбой. Он убеждает молодых немцев, отрезанных от мира, лишенных всечеловеческой культуры, в том, что Германия должна владеть Землей. Манию величия он сделал общеобязательным заболеванием. Угрозами, шантажом, хитростью он сломил сопротивление многих соседних государств. Гитлер остался невежественным человеком, который изучает гороскопы. Но под его палу попали восемьдесят миллионов немцев и сто миллионов поработанных немецкими фашистами людей других стран.

Гитлер – плохой комедиант. Он построил себе дворец среди скал. Он вегетарианец – да, этот людоед, погубивший не менее пяти миллионов человеческих душ, не может вынести страданий вола или барашка.

Это человек исключительной жестокости. Он заявил: «Нужно повесить на каждом фонаре человека, чтобы наве-

сти порядок». Он обожает пытки. Ему доносят о новых казнях, о новых убийствах. Тогда его маленькие глаза загораются.

Это самодур, изувер. В 1937 году в Мюнхене посетители «Выставки немецкой живописи» могли полюбоваться редкостным зрелищем – рейхсканцлер Германии собственноручно рвал и резал картины, которые не пришлись ему по вкусу.

Он разрушил Европу, однако он мечтал прежде стать архитектором. По его указанию фашистские летчики разрушили сотни замечательных памятников мирового зодчества. Гитлер сказал: «Я разрушу весь мир».

Он ненавидит все народы мира: ему необходимо мучить и уничтожать. Он сказал своему приятелю Раушнигу: «Если бы евреев не было, их нужно было бы выдумать – только жестокость приближает человека к движению». Он написал о французах: «Это негры, их следует обуздать». Гитлер мстит чехам: его мачеха была чешкой. Он сказал: «Это славянские свиньи». Особенно ненавидит он русских. Этот самодовольный кретин назвал Льва Толстого «ублюдком».

Гитлер презирает немецкий народ. Он сказал Штрассеру: «Нашим рабочим ничего не нужно, кроме хлеба и зрелищ, – у них нет идеалов». Он выдал немцам немало зрелищ. Они увидели костры, на которых пылали книги. Они увидели обнищавшую и одичавшую Германию. Они увидели сотни тысяч солдатских вдов. Они увидели развалины на

центральной улице Берлина Унтер ден Линден – расплату за варварские бомбардировки Лондона. На зрелища Гитлер был щедр. Хлеба народу он не дал. Он приказал солдатам добывать хлеб огнем. Он вытоптал Западную Европу и Балканы. Хлеб был сожран. Тогда он погнал голодную орду на восток.

Шведский журналист, который недавно беседовал с Гитлером, говорит, что людоед осунулся, возбужден, страдает бессонницей. Он мечется по своему дворцу. Он чувствует близкую гибель. Не помогут больше никакие снотворные: в ночной тишине он слышит голоса убитых, он слышит голос мести.

Прежде, когда он проезжал по улицам немецких городов, в него кидали цветы – он обожает незабудки и анютины глазки. Однажды среди незабудок оказался увесистый камень – какой-то почитатель решил, что цветами своих чувств не передашь... Теперь цветочные подношения запрещены: «Букеты преждевременны». Берлинцы тихонько острят: «Он мечтает о лавровом венке на могилу...» Вряд ли на его могилу положат хотя бы камень. Осиновый кол – вот ему памятник!

6 июля 1941

Трусливый вояка Бенито Муссолини

Бенито Муссолини правит несчастной Италией. Он требует, чтобы его называли «дуче» и чтобы в газетах, говоря о нем, писали местоимение с прописной буквы: «Он сказал, это Его воля, Он никогда не ошибается».

Последнее является догмой итальянского фашизма.

Школьники и солдаты должны отвечать назубок: «Дуче никогда не ошибается».

Когда-то Муссолини был социалистом. Как все ренегаты, он озлоблен на мир. Идеи он променял на лиры – лиры давали ему владельцы заводов «Фиат» за усмирение рабочих. Он начал со службы на итальянских фабрикантов, он кончил службой немецкому ефрейтору.

Муссолини любит сниматься в самых неожиданных позах. Я видал его на экране раз сто – то в боевой форме со шлемом, то в трусиках на пляже. Это тучный, обрюзгший человек, с самодовольным лицом и с чересчур большим подбородком.

Биографы уверяют, что Муссолини – прекрасный семьянин. Своих детей он пристроил. Его дочь – супруга графа Чиано, министра иностранных дел. Управление Италией, таким образом, семейное дело. Один сын Муссолини обожает кино. Папаша послал его в Голливуд. Но киноактеры устроили перед гостиницей, где остановился Муссолинин сын, кошачий концерт. Пришлось покинуть негостеприимную Аме-

рику. Зато в Риме сиятельный режиссер был немедленно объявлен гением. Другой сын Муссолини, по имени Бруно, занялся более практичным делом: он скидывал бомбы на абиссинских пастухов и на каталонских старух. Бруно написал книгу, в которой рассказывает, как приятно уничтожать безоружных абиссинцев. Он пишет: «Мы подожгли деревню зажигательными бомбами. Это было чрезвычайно занимательно».

Бенито Муссолини начал с убийств в розницу. Отряды чернорубашечников нападали на журналистов и на рабочих, на католиков и на коммунистов, они били людей резиновыми палками, вливали им в рот касторку, пытали. Особенно прославился Муссолини в те времена подлым убийством социалистического депутата Маттеоти. Будучи трусливым, Муссолини поспешил заявить: «Я неповинен в этом преступлении», – он боялся гнева народа.

Потом он укрепился, пошел в гору. Ему захотелось массовых убийств. Муссолини объявил: «Война – дело божественного происхождения. Война для мужчин то же, что для женщины материнство».

В Абиссинии Муссолини убивал, и притом мирные пастушеские племена. Потом он направил чернорубашечников в Испанию. Итальянцы залили кровью улицы Малаги. Я видал дневники и записные книжки солдат Муссолини: это регистры грабежей и убийств.

Муссолини обожает помпезность. Свои речи он произно-

сит только с балкона. Он сравнивает себя с Юлием Цезарем. Будучи низкого роста, он принимает посетителей, сидя на высоком стуле. Он ходит на цыпочках. Он живет на ходулях.

Батальоны чернорубашечников носят высокопоэтические имена. Солдаты, битые всеми армиями мира, называются «непобедимые», «неукротимые», «неуязвимые». Грабители окрещены «львами», «тиграми». Дезертирам присвоены имена «Буря», «Ураган», «Гроза».

Отменный семьянин уважает институт проституции. Отправив своих солдат в Африку, он озаботился организацией моторизованных домов терпимости. Его журналист Турацци сообщил публике, как дуче готовится к победе: «Мы предпочитаем арабок и негритянок – они куда выносливее белых...»

Муссолини создал фашистскую армию. Эта армия отличается от других армий тем, что немедленно сдается в плен. Если угодно, это самая пленоспособная армия мира. В марте 1937 года Муссолини отправил генералу Манчини телеграмму: «Поздравляю моих легионеров с неминуемой победой у Гвадалахары». Эту телеграмму испанцы нашли два дня спустя в штабе Манчини – генерал успел удрать. Непобедимые легионеры тем временем стояли в очереди перед республиканскими постами: сдавались. Экспедиционным корпусом командовал любимец дуче генерал Бергонцони. Он бежал, проявив при этом талант спортсмена. Недавно Муссолини послал его в Ливию. Бергонцони удрал из Бардии,

оставив солдат на произвол судьбы. Наконец, в Бенгази англичане поймали этого быстроногого генерала.

Когда итальянцев били греки, Муссолини говорил: «Весь мир видит мощь Италии». Когда итальянцы неслись по Ливии, убегая от англичан, Муссолини твердил: «Мы – победители на двух материках».

Он объявил войну Франции ровно за четыре дня до падения Парижа – этот воинственный мужчина труслив, как мелкий хищник. Убедившись, что французской армии больше нет, он вышел на балкон и крикнул: «Вперед, наследники древнего Рима! Пробил исторический час». Но крохотные французские отряды отбили все атаки непобедимой фашистской армии. Это не помешало «дуче» сказать: «Нами одержана еще одна невиданная победа».

Теперь Гитлер приказал ему отправить солдат на Восточный фронт. Муссолини послал против Советского Союза одну, вероятно самую «непобедимую», дивизию. Уезжая, чернорубашечники кричали, что они в два счета завоюют всю Россию: «Пишите нам в Иркутск!» Мы знаем, что это значит: уезжая в Ливию, чернорубашечники кричали: «Мы уничтожим Великобританию. Пишите нам в Индию». Действительно, именно в Индию англичане отправили пленных итальянцев. Очевидно, придется иркутским лагерям принять и «непобедимую» дивизию...

Муссолини – злобный и мстительный человек. Он гноит на Липарских островах сотни тысяч людей, заподозренных

в одном – они усомнились в том, что дуче никогда не ошибается. Итальянский народ его ненавидит. Он это знает, он ищет охраны на стороне. Он стал лакеем Гитлера. В список захваченных Гитлером стран следует включить Италию – она оккупирована германскими дивизиями. Итальянцы кормят немцев, работают на них, умирают за них. Что получают в обмен итальянцы? Бенито Муссолини.

Независимость Италии родилась в тот день, когда поработенные миланцы восстали с криком: «Вон немцев!» Девяносто лет спустя изменник Муссолини ликвидировал независимость своей страны – он впустил в Италию немцев.

Начинатель фашизма, он мог бы требовать с Гитлера отчисления – авторские права. Он ничего не требует. Перед Гитлером он не сидит на высоком стуле, он стоит перед ним, вытянув руки по швам. Черчилль недаром назвал Муссолини шакалом – этот тучный, надменный комедиант плетется позади Гитлера: он надеется на объедки. Он выклянчил у Гитлера Далмацию. Он гложет кость и трусливо поглядывает на море – ему мерещатся английские корабли.

Он трусливо поглядывает и в окно: он боится гнева итальянского народа.

Согласно легенде Рим основали два брата, вскормленные волчицей. Римляне и теперь держат в клетке волчицу – это символ прошлой славы. Кто знает, не посадят ли в соседнюю клетку шакала – Муссолини, как символ прошлого позора?

9 июля 1941

Бедные музыканты

В каждом европейском кабаке имелись румынские музыканты. Они играли упоительные вальсы. Кто знает, не вышел ли бы из генерала Антонеску исправный скрипач? Но Антонеску предпочел скрипке саблю. Свою саблю он продал Гитлеру, и румынские войска ознакомились теперь с другой музыкой – советских пулеметов.

Румынские крестьяне ели пустую кукурузную кашу. Немцы забрали и кукурузу. Немцы повсюду на первых местах. Только на фронте они вежливо пропускают румын вперед. Немцы идут позади и расстреливают непослушных. Называется это «военным союзом».

Румынские фашисты в душе обижены: они предпочли бы первые места в Бухаресте. Чтобы как-нибудь утешиться, они занялись литературой. Они решили отомстить заносчивым немцам. Для этого был избран некто Александру Ранду, по всей видимости тоже неудачливый скрипач.

Как известно, гитлеровцы считают немцев высшей расой – все народы должны повиноваться немцам. Но Александру Ранду тоже не дурак. Он с научной точностью установил, что высшая раса – румыны. Он пишет в «Универсуле»: «Необходимо утвердить румынизм в международном плане. Румыния колыбель арийской расы. Румыны не просто народ, это единственный народ, унаследовавший дух Римской им-

перии».

Каково Гитлеру это читать! Он ведь думал, что колыбель арийской расы – мюнхенские пивнушки. Не тут-то было! Я уж не говорю о возмущении Муссолини – этот давно заявил, что его битые дивизии – «наследники Римской империи». А выходит, что «наследники» – румыны.

Итак, румынские скрипачи не хотят больше играть вальсы. Им приспичило управлять всей Европой – от норвежских фиордов до Арарата.

А пока что румын гонят на убой – командуют ими немцы. И немецкий генерал Лист, набивший руку на истреблении балканских народов, разносит генерала Антонеску, как будто перед ним не «наследник Римской империи», но музыкант в ночном кабаке: «Послушайте, если ваши солдаты еще раз побегут, я вас выгоню!...»

Бедные музыканты!

9 июля 1941

Бастилия будет взята

14 июля 1789 года парижский народ взял крепость, где томились политические заключенные, – легендарную Бастилию. Патриоты сожгли ненавистную народу тюрьму; и на том месте, где стояла Бастилия, народ танцевал. В память героических дел революции из года в год 14 июля во всех городах, во всех деревнях Франции люди веселились и танцевали.

Ревели гармоники, кричали хлопушки. Среди зелени каштанов просвечивали бумажные фонарики. В деревушках пускали ракеты. С колоколен тридцати пяти тысяч французских деревень петухи гордо оглядывали виноградники, нивы, пастбища.

Проходили войска, несли знамена славы – Жемаппа и Вальми, Марны и Вердена.

Проходили демонстрации; и знамена парижских пролетариев дружески встречались со знаменами армии.

Народ веселился. Что может быть заразительней французского веселья? 14 июля 1789 года народ разрушил не только парижскую тюрьму: Бастилия была символом насилия. В те далекие времена французский народ первым поднял знамя свободы, кинулся к свету, к молодости. Солдаты революции отстояли республику от пруссаков и от предателей-эмигрантов.

14 июля 1940 года... Никогда я не забуду этого дня. Ули-

цы Парижа были особенно пусты. На площадях гитлеровские трубачи дули в трубы: праздновали победу. По бульварам маршировали убийцы и грабители. Французы сидели дома, закрыв ставни. Одна женщина мне сказала: «Сегодня я не могу их видеть!»

Тащили на расправу арестованных. Гоготали германские офицеры. Денщики задыхались: не успевали выносить награбленное добро.

Прошел год. Что сделали гитлеровцы с цветущей Францией? Пустыня... Мелкий шпион Абец стал наместником. Адмирал Дарлан превратился в сухопутного денщика при немецком генерале. Французские патриоты томятся в концлагерях. Французские дети умирают голодной смертью. А гитлеровцы еще рыщут – вывозят последние крохи.

14 июля теперь не праздник: об этой дате запрещено вспоминать.

Виктор Гюго писал о пруссаках, которые в семьдесят первом году грабили Францию:

Они крадут часы, укладывают
чемоданы —
берут добро. Деревню грабят
за деревней.
Но мы горды другим — была взята
Бастилия...

Я вижу Париж. По его улицам еще ходят гитлеровцы. Но

как пугливо они озираются! Они уже поняли, что значат эти горящие глаза... Юноши уплывают в Англию на рыбацких лодках. Рабочие ломают станки. Крестьяне жгут хлеб. Франция проснулась.

14 июля втайне будут праздновать все патриоты Франции. С надеждой они смотрят на восток: там великий народ защищает свободу – свою и мира. 14 июля в России будут убиты тысячи гитлеровцев, уничтожены десятки танков и самолетов.

Гитлерия – вот Бастилия XX века, страшная, зловонная тюрьма, в которой томятся народы Европы! На штурм этой новой Бастилии вместе с бойцами Красной Армии идут партизаны и герои поработанных фашистами стран, патриоты свободолюбивой Франции.

Бастилия будет взята. На ее обломках будет танцевать и веселиться освобожденная Европа.

14 июля 1941

Дневник немецкого унтер-офицера

Хорст Шустер полтора года назад был студентом. В феврале 1940 года его призвали на военную службу. Предчувствуя исторические события, участником которых он станет, Хорст Шустер завел дневник. Надев военную форму, он меланхолично записал:

«Хороша свобода! Да, теперь на время придется с ней распрощаться...»

Впрочем, Хорст Шустер быстро забывает о «свободе». Он гранатометчик, исправный солдат. Через полгода его производят в ефрейторы, через год он – унтер-офицер. Он деловито отмечает:

«Унтер-офицерские знаки мне необходимы – они помогут мне как на службе, так и в финансовом отношении».

Нельзя сказать, чтобы наш исполнительный унтер любил службу. Он пишет:

«Служба состоит на восемьдесят процентов из дежурств. Самое противное – это караул по воздушному наблюдению».

Удовольствие сидеть где-то в тылу, да еще когда назначают в караул! А товарищи Шустера развлекаются в завоеванной Франции. Говорят, что недели через две немцы займут

Лондон. Сколько будет поживы! Хорст Шустер просит, чтобы его отправили на Западный фронт.

Наш культуртрегер приезжает в захваченную гитлеровцами Францию. Он полон сознания своего превосходства. Дикарь, который пишет с ошибками, высокомерно отмечает:

«Наша германская культура выше. Иногда отвратительно смотреть на примитивную жизнь французского народа...»

Какое, должно быть, испытание для «культурного» унтера глядеть на «примитивный» народ, который смеет предпочитать парламент мордобоем, а Ромена Роллана – доктору Геббельсу!

Впрочем, Хорст Шустер быстро утешается: он еще попал на объедки пирога. Ему выдали «оккупационные марки». На эти фальшивые деньги он покупает ботинки и сувениры, ест, пьет. Он в упоении пишет:

«Все баснословно дешево!.. Бутылка шампанского – одна марка... Когда нам не нравится еда, мы идем в город – прекрасный обед за одну марку: жареная курица, овощи, суп, салат из помидоров, фрукты и вдобавок вино. Да, это жизнь! Теперь поблизости от наших квартир устроили публичный дом. Все мои товарищи говорят об этом целый день, и они массами направляются туда...»

Теперь мы знаем, что такое «жизнь», настоящая жизнь, для бывшего студента, ныне унтера германской армии: гра-

беж с помощью «оккупационных марок» и публичный дом, куда табунами несутся культуртрегеры.

Но вот приходит черный день: приказ о переводе Хорста Шустера из «примитивной» Франции в высококультурную Германию. Наш «патриот» льет горькие слезы: прощай жареная курица! Прощай дом терпимости! Шустер пишет:

«Здесь жизнь была прекрасной, а мы должны теперь вернуться в Германию. Разве можно этому поверить?...»

Он все видит в мрачном свете. Даже победы германской армии его не радуют. По дороге в Германию он пишет:

«За исключением некоторых предместий Орлеан разрушен. Страшно глядеть! Вдобавок стоит ужасная вонь — здесь поработали наши пикирующие бомбардировщики».

На родине нашего вояку, утомленного покупкой ботинок и сувениров, ждет заслуженный отдых. Он едет в свой родной Магдебург. Там нет ни жареных кур, ни волшебного дома терпимости. Зато там ждет его хорошая арийская невеста по имени Эрика. Наш вояка отправляется с Эрикой в театр:

«Мы слушали оперу «Кармен». К сожалению, за десять минут до окончания спектакля — проклятая воздушная тревога. В результате три часа в бомбоубежище! Мне не везет!...»

Бедный Хорст — ему пришлось провести ночь с Эрикой в бомбоубежище! Что за нахалы англичане! То ли дело, когда

пикирующие самолеты уничтожали Орлеан...

И вот новый год – 1941-й! Гитлер сказал, что этот год будет годом победы, но Хорсту не по себе. Все ему не нравится. Забыты и куры и Эрика. Он впадает в сомнения:

«Почему у меня не может взять верх спокойное, счастливое настроение? У всех солдат то же самое. Мы всегда чего-нибудь ищем. А что? Покой? Музыку? Любовницу? Я даже не могу сказать, что именно. Самое лучшее, когда спишь: тогда ни о чем не думаешь...»

Так начинается протрезвление. Всем этим воякам смертельно надоела война, хотя из них мало кто воевал по-настоящему. Хорст Шустер начинает думать, хотя в «памятке» немецкого солдата написано черным по белому: «Немецкий солдат никогда не думает, он повинуется». Тяжело для непривыкшего человека думать, и Шустер пишет: «Нас медленно доводят до сумасшествия».

А Гитлер тем временем готовится очередной поход. Идет военная суматоха. Шустер пишет:

«Маршировать. Маршировать. Топаешь, как баран, и ничего не знаешь ни о положении, ни о целях. Это неправильно... Похоже на то, что опять что-то начинается. Одни говорят – Испания, другие – Ливия. Во всяком случае не на Англию...»

На месте Гитлера, прочитав такой дневник, я испугался бы – подумал, что унтер Шустер, посредственный человек, повторявший все глупости начальства, вдруг понял, что он

«баран»!..

Гитлеровцы захватывают Балканы. Хорст Шустер сидит в тылу. Он упоен победами, он блеет, как баран. Но впереди его ждут горшие испытания.

12 июня Шустер со своей частью направляется в Восточную Пруссию. Они проезжают мимо деревень, населенных еще не истребленными поляками, и Шустер огорчен дурным отношением поляков к захватчикам. Наконец он в пограничной деревушке. Он чувствует – что-то надвигается. Ему не говорят что. Он пишет 16 июня:

«Атмосфера как-то сгущается. Мы перестраиваемся на военный лад. Где мы будем завтра?.. От нас до русской границы тринадцать километров».

Следующая запись короткая:

«22 июня. 2 часа 30 минут пополуночи. Нас разбудили. Вперед, в Россию!»

«Бараны» пошли...

Затем Шустер пишет под Двинском:

«Мы находимся в очень серьезном положении, так как русские на нас наступают...»

Следующая запись 5 июля:

«Мы много маршировали, мало спали. Только вчера нас, наконец, снова моторизировали. Русские нас угостили бомбами. Нашей роте пока что посчастливилось. Атмосфера опять сгущается,

готовится что-то новое. Только весь вопрос – что именно?...»

Хорст Шустер, унтер-офицер 8-го полка 3-й мотомехдивизии, попал в плен. Он может сказать, что ему лично «посчастливилось». Он не ожидал такого благополучного конца. Одно дело есть во Франции жареных кур, другое – маршировать, когда на голову падают русские бомбы... Может быть, в плену Хорст Шустер задумается всерьез? Может быть, он поймет, как его обманывал Гитлер?

Немецкие солдаты даже не знали, против кого идут воевать... Это – автоматы с невестами и с пулеметами. Конечно, можно их очеловечить, научить думать, сделать из них людей. Но для этого нужно очень много бомб. Когда Хорсту Шустеру было хорошо, он ел курицу и кричал «ура». И впервые задумался, когда ему стало плохо. Поход на Советский Союз станет начальной школой для миллиона баранов.

16 июля 1941

17 июля 1941 года (Москва в эти дни)

Я принадлежу к поколению европейцев, которое видит не первую войну. Я был в Париже в 1914–1917 гг., в России в эпоху гражданской войны, в Мадриде и Барселоне под немецкими бомбами. Я был в Париже, когда в него вошли германские дивизии. Я видел прошлой осенью унылый военный Берлин. Я знаю, как искажает война лицо и душу городов. Может быть, поэтому я не могу наглядеться на Москву – я горд ее выдержкой. Все понимают, как велика угроза, – нет ни беспечности, ни хвастовства. Но нет и страха. Суровые, спокойные лица.

Стоят невыносимо жаркие дни. Люди одеты по-летнему.

У женщин много хлопот: затемнили дома, оклеили стекла матерчатыми полосками. Все проходят занятия по противовоздушной обороне. В домах дежурства жильцов. Повсюду мешки с песком. Москва готовится, и «хейнкели» не застанут ее врасплох.

Одной из первых забот было отослать детей подальше от крупных центров. Один за другим уходят поезда с детьми. Уехали школы, детские дома. Вот поезд с детьми писателей, вот другой – с детьми железнодорожников. Кажется, не видал я города, где было бы столько ребятишек, они вместе с воробьями заполняли гомоном московские переулки. Те-

перь воробьи остались без товарищей.

С детьми уехало много матерей, не связанных работой с Москвой. Знакомый печатник вчера мне сказал: «Работать легче – отослал моих в деревню. Если прилетят немецкие стервятники, не будет мысли: а что с ними?..»

Старикам советуют уехать в провинцию, в деревню. Некоторые уехали. Другие обижаются. Один старичок мне сказал: «Какой же я инвалид? Я могу что-нибудь охранять. Вот возьму и поймаю парашютиста – увидишь».

По улицам проходят ополченцы. Это подлинная гражданская армия. Таких на парад не выведешь... Но они полны решимости, им не страшны испытания. Вот, может быть, ключ к выдержке Москвы: этот город много пережил – сорокалетние знавали и артиллерийский обстрел домов, и голодные годы. Их нелегко запугать.

Сегодня ввели продовольственные карточки. Впервые Москва их узнала в эпоху гражданской войны, вторично – в годы первой пятилетки. Теперь – нормы большие. Люди говорят: «Всего не заберешь...» Нет ни удивления, ни суматохи.

В немногих открытых летом театрах играют патриотические или антифашистские пьесы. Зрители подчеркивают аплодисментами монологи героев. У зрителей муж, брат или сын сейчас на другом театре – военных действий.

Испытание сблизило всех. Прежде в трамвае москвичи частенько ругались. Теперь не услышишь обидного слова.

Вечером все стоят или сидят возле домов, обсуждают события, рассказывают: «От мужа открытка с фронта...» Черные окна – город ночью кажется пустым, но в нем миллионы сердец бьются горем, гневом, надеждой...

Коричневая вошь

По дороге плелись французские крестьяне, согнанные немцами с земли. Увидев их, горожанка сказала: «Злые люди», – она показала на беседку, где закусывали немецкие офицеры. Тогда старый крестьянин сердито сплюнул и ответил: «Это нелюди! Это – вошь! Коричневая вошь!»

На крестьян Европы обрушилось неслыханное горе, хуже мора, хуже засухи, хуже смерти – пришли гитлеровцы. Сначала они все сожрали. Они отбирали хлеб и скот, кур и картошку. Это было приговорительным классом разбоя. Затем началось «наведение порядка».

Французские крестьяне департаментов (областей) Мозель, Мерт-э-Мозель, Вогезов, Нижнего и Верхнего Рейна узнали на себе, что такое «новый порядок». В зимнюю ночь крестьян разбудили гитлеровские штурмовики: «Убирайтесь...» Крестьяне спрашивали: «Почему?» Гитлеровцы отвечали: «Теперь это наша земля». – «Куда мы пойдем?» – «Это не наше дело. Живо, чтобы вашего духа здесь не было!...»

Сотни тысяч крестьян были выселены. Они ничего не могли увезти с собой. Все добро досталось гитлеровцам. А хлебопашцы, виноделы, садовники пошли по миру.

В Чехословакии гитлеровцы проделывают то же самое. В феврале этого года двадцать девять деревень в районе Эльбы

были «очищены от жителей». Гитлер решил наградить чужой землей сотню своих головорезов.

Всего откровеннее ведут себя немцы в Польше. Около миллиона польских крестьян отправлено в Германию. Губернатор Люблина герр Зорнер хвастливо заявил: «Я угнал в Германию сорок шесть тысяч польских крестьян, пятнадцать тысяч женщин».

Из Померании и Познани польские крестьяне выселены. Те, что остались, обращены в рабов. Выселили свыше миллиона душ. Шведский журналист, видевший эшелоны выселенных, писал: «Они сидят неделями в теплушках. Теснота такая, что едва можно шевельнуть рукой или ногой. Многие умирают от голода и жажды. Если измученные люди на какой-нибудь станции протягивают руки захлебом или водой, солдаты бьют их прикладами по рукам, стреляют. После каждой такой поездки из вагонов вытаскивают массу трупов».

Тех, кто осмелился протестовать против выселения, гитлеровцы повесили на площадях – «в назидание».

Рабы должны работать на немцев, повиноваться им во всем. Немецкие помещики не подчинены общим законам. Они могут накладывать на рабов «легкие наказания» без суда. Рабы не имеют права выходить на улицу позже восьми часов вечера. Заходить в магазины они могут только до полудня. Утром, приезжая в город, они не имеют права пользоваться трамваем. В Познани поселили сорок пять тысяч немецких колонистов; они получили землю, инвентарь, до-

ма, мебель выселенных поляков.

Дети рабов не должны учиться. Губернатор Торуна заявил: «Копать картофель и подметать улицы можно и без образования», – школы были закрыты.

В мае этого года один немецкий барон из-под Гдыни разгневался – околели три датские свиньи. Барон приказал выпороть служанку – восемнадцатилетнюю польку. Девушка повесилась. А барону прислали из Дании новых свиней...

Однако и Франция, и Польша, и Чехословакия, и Югославия были для людоеда только закуской. Он давно облюбовал себе жирный кусок – Россию. Он говорил об этом в своей книге «Майн кампф». Он обдумывал разные способы уничтожения русского народа. Его советники представляли проекты: выселение русских в Азию, раздельная жизнь русских мужчин и женщин, чтобы довести народонаселение до минимума, использование русских как рабочей силы вне России. Гитлер хочет освободить русскую землю от русских людей. Коричневая вошь ползет на наши поля и сады.

На съезде национал-социалистов в Нюрнберге один из людоедов заявил: «Когда Урал с его неизмеримыми богатствами сырья, неисчислимые леса Сибири и бесконечные пшеничные поля Украины будут в немецких руках, наш народ будет обеспечен всем в изобилии».

Мы предупреждены: у них скромный аппетит – им нужны всего-навсего Украина, Сибирь да еще безделка – от Польши до Урала. Убийцы, особенно отличившиеся в пытках, кото-

рым они теперь подвергают наших раненых, получают награды: поместья на Волге или на Днестре, плодовые сады, свекловичные или табачные поля, виноградники Крыма. Русские будут у них рабами.

Вот их мечта!

Французский крестьянин был прав – это не люди. Это страшные паразиты. Что перед ними все вредители, все сорняки! Они ползут, чтобы сожрать нас. Их надо уничтожить.

18 июля 1941

Презрение к смерти

Смоленск впервые подвергся бомбардировке. Это было ночью. Немцы скинули на город тысячи зажигательных бомб. Население не растерялось. Женщины, старики, ребята кидали бомбы в воду, засыпали их песком. Почти все бомбы были обезврежены. Кое-где вспыхнули пожары. Немцы скидывали тяжелые фугасные бомбы, но они не устроили людей, боровшихся с огнем.

В течение недели немцы прилетали каждую ночь. Прилетали они и перед заходом солнца – с запада, когда их трудно было распознать. Город привык к бомбардировкам. Продолжалась трудовая жизнь. Душу города передала одна девушка, стоявшая на своем посту во время жестокой бомбардировки: «Нужно им показать нашу силу...»

Витебск, расположенный на правом берегу Западной Двины, по приказу командования был очищен нашими войсками. Армия вывезла все военное снаряжение. Немцы сбросили в девяти километрах от города десант – сорок танков, мотоциклистов. Первую атаку на город отбили партизаны.

Танки, укрывшись в противотанковые рвы, стали дотами; они обстреливали город из орудий.

В городе был пивоваренный завод. В течение суток тысячи бутылок были наполнены воспламеняющейся жидкостью. Смелчаки поползли к танкам. Девятнадцать танков было

уничтожено. Кидали бутылки в мотоциклистов. Для этого нужно много отваги – подойти вплотную. Нашлась отвага...

Немцы вошли в пустой, мертвый город. Они вошли не сразу: ждали два дня – боялись войти. Два дня семеро героев ждали немцев близ моста. Когда на длинный мост через Двину вступили немецкие танки и артиллерия, все взлетело в воздух. Взрыв был слышен далеко окрест. Семеро советских людей погибли. Кто из нас спокойно может слышать рассказ об этом беспримерном мужестве?

Жители ушли – мужчины, старики, подростки стали партизанами. Среди них есть крестьяне, сражавшиеся в партизанских отрядах двадцать три года тому назад. Это – профессора партизанства. Среди партизан есть и ребята. Армия дедов и внуков...

Один старый лесник прыгнул с дерева на немецкого мотоциклиста, сжал крепко его шею, погнал мотоциклиста к нашим заставам.

Три немецких парашютиста опустились на холмистое поле возле лагеря пионеров. Детишки их измотали, заставили расстрелять впустую все патроны – прятались за буграми. А когда у немцев не осталось больше патронов, ребята наскочили с цепями, стали лупить гитлеровцев. Пригнали их в ближний городок.

Партизаны знают лесные тропинки. Они нападают на немецкие колонны, идущие впереди, составленные из СС. Нападают они и в глубоком тылу на пехотные части врага.

Вот приказ германского командования:

«Горожане и горожанки! Селяне и селянки!

Если на территории вашего города или села будут обнаружены партизаны, о местонахождении которых вы не донесли германскому командованию, вы все, без исключения, будете причислены к шпионам иностранной державы и как таковые повешены».

«Горожане и селяне» читают, но не доносят – это советские люди...

В одной деревне немцы били детишек на глазах у матерей, чтобы выпытать, куда скрылись партизаны. Женщины молчали.

К партизанам пришел старик с правой отсохшей рукой, сказал: «Я левша». Он показал, что может бить врага левой рукой.

Глубоко в тылу противника идут бои. Немцы повсюду окружены неукротимыми отрядами – бойцы прячутся в лесах, скрываются среди развалин – советская ночь полна живыми людьми с винтовками, с гранатами, с динамитом. Линии фронта нет, и немцам не приходится втыкать флажки в карту – вокруг каждого немецкого отряда фронт.

В прорези танков, в шины мотоциклов, в машины летят полулитровки, полные пламенем.

Горят склады, горят поля, горят села. Это тяжелый год для нашего народа... Но это роковой год для наших заклятых врагов. Они идут по пылающей земле, по земле, которая не

хочет чужестранца.

Один партизан сказал мне прекрасные слова: «Я их быю без промаху – моя пуля летит от сердца...»

Немцы взяли партизана. Шел бой. Партизана отвели к грузовой платформе, там лежали тяжело раненные красноармейцы – двадцать человек. Вблизи стояли немецкие пулеметы. Подошел германский офицер, сказал по-русски: «Сразу видно, что ты – партизан и коммунист. Отвечай». Товарищ молчит. «Хорошо, ты у меня заговоришь...» Офицер обратился к раненым: «Охраны нет. Но в случае чего пулеметчики вас скосят. А за этого вы все отвечаете, – если убежит, я вас всех перестреляю. Поняли?» И офицер ушел. Красноармейцы говорят партизану: «Беги!» Тот отвечает: «Нет. Не хочу вас подводить». – «Беги! Ты еще сражаться можешь. А мы конченные – у кого голову пробили, у кого ногу или руку. Они нас все равно перебьют. Беги». – «Нет». Тогда один красноармеец строго сказал: «Я тоже коммунист. Я тебе приказываю – беги! Ты должен сражаться». Они прикрыли его от пулеметчиков. Он сказал: «Прощайте, друзья...» Он дошел до наших частей.

Двадцать героев... Трудно об этом спокойно писать – душа ненавидит врагу, гордость за товарищей приподымает – быть, как они!.. Мужество наших людей, последняя ночь семерых перед взрывом моста, молчание женщин, когда пытали их детей, непреклонная воля двадцати полумертвых красноармейцев, презрение к смерти во имя победы – это

наши былины, это сильнее слов, это высоты человеческого духа. Такой народ нельзя победить.

20 июля 1941

Коалиция свободы

Плутарх уверяет, что Цезарь обратил в рабство миллион покоренных им людей. Куда ему до Гитлера! Не было в истории столь жадного и лютого рабовладельца – сто миллионов душ он обратил в рабов.

Кого он хочет обмануть, говоря о «коалиции европейских народов» против России? Доктора Геббельса? Молодых штурмовиков, приученных с младенчества не думать? Марсиан? В захваченных Гитлером странах нет народов. Народы Гитлер отменил. Есть рабы разных категорий – голландцы доят для Гитлера коров, норвежцы сушат для Гитлера треску, венгры, итальянцы, финны, румыны умирают за Гитлера.

Гитлер уверяет, что против России идет «коалиция государств». Может быть, он спросил финнов, хотят ли они умирать за «великую Германию»? Может быть, он осведомился, желают ли словаки стрелять в своих братьев русских? Нет, он приказал, и его наемники – трусливый и блудливый Муссолини, невежественный Тисо, жалкий скрипач Антонеску, тупица Рюти – не осмелились возразить.

Я хорошо знаю Италию. Знаю ее народ – миролюбивый, добродушный, веселый. Немцев итальянцы никогда не жаловали – помнили о вековом гнете. А любовь итальянцев к России сказывалась на каждом шагу. Вспомнили, как во время землетрясения в Мессине русские моряки спасли итальян-

цев. Говорили о героизме советских летчиков, которые спасли полярную экспедицию итальянцев. Во времена Муссолини, когда Горький приезжал в Неаполь, сбегались студенты, рыбаки, грузчики – приветствовали великого писателя. Кто поверит, что итальянцы добровольно пошли на Советский Союз?

Я видел в Словакии улицы Пушкина, улицы Гоголя, улицы Толстого, улицы Горького. Словаки поют наши песни. На концертах исполняют русскую музыку – от Мусоргского до Шостаковича. Студенты зачитываются Блоком, Шолоховым, Толстым. Словацкий классик Кукучин был воспитан на русской литературе. Немцы и мадьяры подавляли словацкую культуру. Зачинатели национальной культуры, «будители» разнесли по всем глухим хатам свет русской мысли. Пять лет тому назад я был на конгрессе словацких писателей. Там были левые и правые, католики и протестанты, и все они с величайшей любовью говорили о нашей стране. В какую кошмарную минуту бессонницы пришла Гитлеру нелепая мысль объявить, что Словакия воюет против России?

Людоеду не хватает человечины: ему мало немцев, он шлет на убой чужих людей. Его «коалиция» – это злосчастные румыны или словаки, которых гонят под огонь прусские ефрейторы.

Есть коалиция – не рабов, свободных народов. Это – коалиция против Гитлера.

Мужество Лондона было первой победой человеческого

достоинства над варварством фашизма. Огромный, прекрасный город подвергся страшным бомбардировкам. Англия тогда осталась одна в строю – французские фашисты предали свою родину. И Англия не сдалась. Историк расскажет, чем были длинные зимние ночи для Лондона. Гибли жилые дома и музеи. Вандалы разрушили изумительное здание английского парламента. Горели кварталы. Но англичане спокойно отвечали: «Нет».

Как-то в Лондоне упала бомба замедленного действия. Ее схватил рабочий и понес в штаб противовоздушной обороны. Его сынишка шел впереди и кричал людям, чтоб они отходили в сторону. Какая выдержка! Какой символ достоинства и отваги! Не только пролив оградил Англию от людоедов – ее оградила воля к сопротивлению, фраза, которую на острове повторяют с младенчества: «Англичанин не будет рабом».

Два фронта? Нет, десятки фронтов. Смелчаки-французы уже сражаются под командой генерала де Голля. Это только разведка, только передовой отряд. Скоро весь французский народ под звуки бессмертной «Марсельезы» кинется на захватчиков. А норвежцы? А чехи? А поляки? А сербы? Порабощенные народы ждут первого поражения гитлеровской армии. Час близок. Братский фронт трех великих держав – это та сила, которая сокрушит ненавистную всему миру гитлерию. За нас упорство англичан, за нас сила Америки, за нас беспримерная отвага советского народа.

20 июля 1941

Фабрика убийц

Разговаривая с пленными гитлеровцами, читая их дневники и письма, спрашиваешь себя: откуда взялись эти существа, невежественные и жестокие? Нужно заглянуть в гитлерию, чтобы понять, как организовано серийное производство убийц.

Гитлер уничтожил любовь, брак, семью. Человеческое общество он превратил в скотный двор, в случный пункт.

Лейпцигский профессор Эрнст Бергманн в книге «Познание и материнство» пишет: «Моногамия – извращение, и она ведет к порче расы. К счастью, у нас достаточно парней с доброй волей и хорошо приспособленных. А один парень может оплодотворить двадцать девушек». Это написано не на заборе, и герр Бергманн считается в гитлерии «ученым».

Газета «Фелькишер беобахтер» пишет:

«Наши крестьяне понимали, что такое чистота расы; если мы справедливо гордимся прусскими коровами, которые во многих отношениях выше фионских и герефордских коров, то никто из нас не станет гордиться Марксом, Гейне или ублюдком Эйнштейном. Думая о продолжении расы, мы должны вдохновляться опытом наших крестьян».

Говоря иначе, гитлеровцы должны размножаться, как коровы прусские или герефордские...

Надо сказать, что немцам, за исключением СС («один парень на двадцать девушек»), не очень-то нравится скотоводческий пафос Гитлера. В ноябре 1940 года войсковой отдел при генеральном штабе германской армии издал инструкцию для всех ротных командиров, озаглавленную: «Очень мало детей». В этой инструкции мы находим сетования:

«Какая польза нам от приближающейся победы, если в один прекрасный день мы не сможем сохранить и защитить наше государство? Нам не нужен большой дом без детей».

Далее инструкция приводит цифры:

«В 1910 году на 6,4 миллиона молодых здоровых семей приходилось 1,8 миллиона рождений, а в 1939 году на 8,6 миллиона – только 865 тысяч рождений».

Особенно огорчает авторов инструкции плодовитость славян. Они указывают, что в начале девятнадцатого века в Европе было 32 процента германцев и 35 процентов славян, а теперь – 30 процентов германцев и 46 процентов славян.

Наконец инструкция раскрывает, зачем именно немцы должны плодиться и множиться:

«Каждый родившийся в 1941 году здоровый мальчик может стать в 1961 году прилежным солдатом. Каждая родившаяся в 1941 году девочка может через двадцать лет стать прилежной домашней хозяйкой и матерью».

Хозяева фабрики убийц не скрывают своих намерений –

они озабочены тем, кто будет убивать и грабить в 1961 году. Но, видимо, немцам не очень-то хочется рожать детей на убой, и даже среди парней, тех, что один на двадцать девушек, имеются «прогульщики».

Регламентация браков, скотский подход к чувствам людей исказил всю психику немецкого народа. Гитлер сделал цинизм и развращенность общеобязательными явлениями. Передо мной «карточки на поцелуй», отпечатанные в Германии и посылаемые солдатам для развлечения. Талоны на пять поцелуев, как на пять граммов жиров... Эти юмористические карточки показывают, до чего изменилась психика людей под влиянием фашистских скотоводов.

Все дети в Германии принадлежат Гитлеру. В десять лет мальчики и девочки приносят присягу:

«Перед лицом господ бога обязуюсь беспрекословно повиноваться фюреру».

Гитлер сказал 1 мая 1937 года:

«Среди нас все еще имеются старомодные люди, ни на что не пригодные. Они путаются у нас в ногах, как собаки или кошки. Но это нас не беспокоит. Мы заберем у них детей. Последние будут соответственно обучены, мы не позволим им стать на старый путь мышления. Мы будем брать их в возрасте десяти лет и к восемнадцати приведем им наш дух. Они нас не избегнут. Они вступят в партию, в «СА», в «СС»».

В десять лет родители должны сдавать своих детей людо-

еду. За утайку ребенка полагается штраф или тюрьма. В феврале 1941 года министр просвещения Рист и фюрер «гитлеровской молодежи» Аксманн подписали «соглашение». Согласно этому тексту, дети с восьми часов до двух находятся в школе. Все остальное время принадлежит «гитлеровской молодежи». В тексте сказано: «гитлеровское время священо».

Учителя подвергаются ответственности, если они экскурсиями или заданными на дом уроками затрагивают «гитлеровское время». Все субботы целиком принадлежат Гитлеру. Два воскресенья в месяц отданы родителям, два других – собственность Гитлера. Таким образом, дети – это малолетние рабы. Они работают, маршируют и привыкают не думать.

Впрочем, и в школе царит «гитлеровское время». В анкетах при назначении учителей имеются четыре пункта:

- «1. Наследственные предрасположения и общая расовая картина.
2. Политические убеждения.
3. Физические возможности.
4. Познания».

Знает ли учитель математики математику или нет – это последнее дело. Важнее «общая расовая картина» и «физические возможности».

Профессор Ленард в предисловии к учебнику «Немецкой физики» пишет:

«Это чисто арийская физика, наука создается расой и определяется чистотой крови».

Профессор Эрвин Гек в «Вестнике национал-социалистского воспитания» говорит:

«Математика – это проявление северного арийского духа, его воли к господству над миром».

Детям с ранних лет говорят: «Война – самое веселое дело», «Вырастешь – убьешь сто врагов», «Фюрер любит тебя и войну».

Последнее изречение очаровательно: заранее приучают пушечное мясо к мысли, что людоед обожает человечину.

За два года до войны министерство просвещения рекомендовало для школ книгу Виткопа «Военные письма» как подготовляющую к грядущим событиям. Вот как представляется война в книге Виткопа:

«В нас очень мало стреляют. Мы сидим в землянке. Здесь очень уютно. Мы курим, много едим и развлекаемся...»

Маленькие дети поют песенку. Вот ее дословный перевод:

Если весь мир будет лежать в развалинах,
К черту, нам на это наплевать!
Мы все равно будем маршировать дальше,
Потому что сегодня нам принадлежит Германия,
Завтра – весь мир.

Это младенческий лепет гитлерии.

По статуту, опубликованному в 1936 году, в «гитлеровской молодежи» имеется своя аристократия – «Stamm-Hitler-Jugend» – «коренная гитлеровская молодежь». Это отборные экземпляры, будущие СС. Эти молодчики имеют право наказывать других детей, они также должны доносить на родителей и на учителей. «Коренные» натаскиваются на ремесло шпииков и палачей.

В своей книжке «Майн кампф» Гитлер говорит:

«Нужно воспитывать каждого так, чтобы он чувствовал свое превосходство над другими».

Человеческая солидарность, чувство товарищества, скромность изгнаны из гитлерии.

Моральные принципы «гитлеровской молодежи» выражены в изречениях людоеда Гитлера:

«Мы должны быть жестоки со спокойной совестью – время благородных чувств миновало».

«Я освобождаю человека от унижительной химеры, называемой совестью».

«Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную и жестокую. Я так хочу. Я хочу, чтобы она походила на молодых диких зверей».

Гитлер заменил любовь расовым совокуплением. Вместо брака он преподнес немкам «одного парня на двадцать де-вушек». Он уничтожил семью, забрав себе детей. Он отдал

школу на разгром. На место учителей сели тупые, кровожадные ефрейторы. Изображая из себя захолустного нищсеанца, Гитлер провозгласил «новую мораль» – культ грабежа, пыток, убийства. Этих людей трудно оскорбить – они сами называют себя жестокими и бессовестными.

И вот в 1941 году СО двинулись на нас. Они, наверно, еще помнили школьные уроки.

4 августа 1941

6 августа 1941 года

Немцы педантично бомбят Москву: прилетают в пять или в десять минут одиннадцатого.

Жалко Книжной палаты. Это был один из самых чудесных домов Москвы: старый особняк с колоннами.

На улицах теперь много женщин с узлами: носят с собой самое ценное.

Разрушено одно из зданий Академии, театр Вахтангова, астрономический институт, несколько десятков домов. В моей квартире воздушная волна произвела некоторый беспорядок. Пути этой «волны» воистину неисповедимы: она расплющила медный кофейник, но глиняные вятские бабы по-прежнему улыбаются. Наши собаки, два пуделя и скотч-терьер, при словах диктора: «Граждане, воздушная тревога» – прячутся под диваны.

Среди людей некоторые оказались неожиданно храбрыми, другие трусливыми. Есть мужчины, которые мечтают, как бы с вечера забраться в метро, но таких немного. Большинство выносят бомбардировки спокойно. Многие охотно лезут на крыши. Гасить зажигательные бомбы – это новый излюбленный спорт москвичей. На заводах во время тревоги продолжается работа. В убежищах при газетах установлены лино-типы, стучат ундервуды.

Вчера был пятнадцатый налет на Москву. Я разговаривал

с начальником противовоздушной обороны генерал-майором Громадиным. Это молодой человек. В его кабинете стоит койка: иногда генералу удается соснуть час-два. У него красные глаза: давно не высыпался. Генерал рассказывает, как наши артиллеристы сбивают осветительные ракеты неприятеля. Вчера на Москву летело свыше ста самолетов, но долетело всего несколько машин. Сильными были первые массированные налеты. Немцы тогда летали на малой высоте – четыре-пять тысяч метров – и скидывали тяжелые бомбы – до полтонны. Теперь они летают выше и бомбы у них измельчали. Наши летчики и артиллеристы сбили уже сотню немецких машин на подступах к Москве. В центре города, на площади Свердлова, стоят сбитые самолеты. Ребята толпятся вокруг. Старуха прошла мимо и сплюнула: «Нечисть!»

Недалеко от дома, где я живу, бомбы попали в школу. Убиты дети. Не всех детей увезли... В скверах садовники аккуратно поливают цветы.

Бескорыстные взломщики

Доктор Геббельс заявил: «Против русских дикарей сражаются отважные германцы, бескорыстные крестоносцы, солдаты чести, свободные и дисциплинированные».

Вот как рисует этих «солдат чести» командир 79-й германской дивизии, правда, не в газетной статье, но в приказе, на котором стоит «секретно»:

«Ефрейтор 208-го пехотного полка Мюнх в течение продолжительного времени занимался взломом дверей и шкапов во французских домах, кражей белья и носильных вещей.

Солдат 208-го пехотного полка Кауфман потребовал от французского трактирщика, чтобы француз доставил ему девушку для половых сношений. Когда тот отказался, он угрожал ему заряженным пистолетом. Семидесятитрехлетнюю женщину, к которой Кауфман обратился с подобным требованием, он ударил пистолетом по голове.

Ефрейтор 179-го артиллерийского полка Крамер подделал удостоверение германской комендатуры города Сан-Дизье, которое дало ему право купить шубу.

Солдат 226-го пехотного полка Вальтер изнасиловал одиннадцатилетнюю французскую девочку».

Этот список можно было бы продолжить – в приказе перечислены тридцать наиболее отличившихся гитлеровцев.

«Бескорыстный крестоносец» взламывал шкапы. «Рыцарь чести» насиловал девочек. «Цивилизованный германец» бил старуху пистолетом по голове.

Генерал фон Браухич в приказе, снабженном той же роковой пометкой «секретно», скромно рассказывает о жизни своих подчиненных:

«Военнослужащие всех рангов на улицах встречаются с женщинами, по всей видимости проститутками, показываются с ними в общественных местах. Несмотря на запрещение, солдаты берут с собой в машины особ женского пола, которые явно не имеют германского подданства. Пение и крики, вызванные чрезмерным употреблением спиртных напитков, вредят облику германской армии. В гостиницах, где проживают господа офицеры, устраиваются оргии с участием проституток.

Возле домов терпимости стоят военные грузовики. Имел место случай, когда офицер, состоящий в высоком чине, был найден возле дома терпимости в бесчувственно пьяном состоянии».

Так рисует германскую армию генерал фон Браухич. «Крестоносцы» в публичных домах пьянствуют и безобразничают. «Дисциплинированные солдаты» горланят и скандалят с уличными девками.

Вот, наконец, третий эксперт – командующий 18-й дивизией. Он рассказывает о храбрости и дисциплинированности германских солдат:

«Солдаты не отдают чести. Они небрежно одеты, лишены выправки, мало походят на солдат.

Я запрещаю военнослужащим закупать продукты и носильные вещи для перепродажи. Я не могу допустить, чтобы машины были набиты женскими вещами.

Я отдал под суд ефрейтора Кранца и солдата Галлера за увечья, сознательно причиненные себе с надеждой освободиться от военной службы. Ефрейтор Кранц заявил, что он предпочитает позорящий его приговор боевому посту... Участились случаи дезертирства. Я буду беспощадно карать малодушных, сеющих панику и отчаяние. В русском походе мы должны быть вдвойне бдительными и стойкими».

Нужно ли говорить, что и на этом документе значится «секретно»? Но шила в мешке не утаишь – не выдать самострелов за храбрецов, и дезертиров не вырядить героями.

Почему это происходит? Почему СС, месяц тому назад кричавшие: «В Москву!», теперь шлют своим невестам меланхолические письма? Почему на второй месяц войны против нас немецкие солдаты уже ведут дневники, полные отчаяния, похожие на страницы романа Ремарка? Почему пойманные диверсанты вдруг падают на колени и хнычут, вымалывая жизнь?

Грабители и насильники никогда не бывают смелыми. Гитлеровскую молодежь воспитали на культе кулака, палки, плетки. Распущенные мальчишки участвовали в погромах, забирали «неарийские» шубы и часы. Они пытали в концла-

герях арестованных. Они издевались над безоружными чехами. Они пошли на войну, как на базар – с мешками для провизии. Они пошли грабить и насиловать. Их послужные списки – перечни разграбленных магазинов и обещанных женщин. Им неслыханно повезло – Европа оказалась беспризорной. Париж плохо лежал, и гитлеровцы расхватили его по кускам. Они пьянствовали, грабили, и все это оставалось безнаказанным.

Настал час проверки. Палачи и шпики не выдержали экзамена. Человек, привыкший унижать другого, прежде всего труслив – он знает, что и его могут унижить. Он либо стоит с плеткой, либо подставляет плетке свой зад. Отвага наших бойцов рождена любовью к свободной родине, чувством человеческого достоинства, пониманием человеческой солидарности. Гитлеровцы вопили: «Да здравствует война!», а когда дело дошло до настоящей войны, они начали вздыхать. Мы не упивались словом «война», но наши бойцы воюют просто, сурово и серьезно.

А в голове немецкого солдата смутно рождаются первые мысли. Вот письмо солдата Франца:

«Анна, я не могу спать, хотя все тело болит от усталости. В сотый раз я спрашиваю себя – кто этого хотел?..»

Солдата Франца убили – на листке бледное рыжее пятно. Но скоро другие Францы спросят: «Кто этого хотел?» Может быть, Гитлер призовет тогда на помощь свою гвардию

СС, убийц, воров, растлителей. Но «рыцари чести» предадут вчерашнего кумира. В записной книжке одного убитого СС я нашел среди записей о попойках и этапах следующий афоризм: «Вместе грабить, врозь умирать...»

Так начинает разлагаться гигантская шайка гангстеров. Еще громяют танки. Еще лежит в них краденое добро. Но «рыцари чести» уже пугливо озираются по сторонам, как будто сейчас их схватят за шиворот...

8 августа 1941

Еще одного

В ночь на десятое августа над Москвой был сбит бомбардировщик «Хейнкель-111». В кармане одного из летчиков нашли записную книжку изданную в Париже, для гитлеровцев. В этой книжке различные сведения, необходимые на войне, например, советы, какое вино пить с рыбой, какое – с птицей.

Этот отдел называется: «Что нужно знать в стране вина». В голодном Париже, где матери ищут для детей картофельную шелуху, немецкие офицеры предаются гастрономии. И в записной книжке, предназначенной для убийц французских детей, мы читаем: «С рыбой уместней всего пить шабли».

Засим даны образцы галантных разговоров: «Мадемуазель, свободны ли вы сегодня вечером? Я могу вас угостить мороженым».

Рисунки представляют элегантных СС на парижских улицах, в кафе, в магазинах. Жизнь мародеров запечатлена для потомства.

Краткий словарь называется: «Тысяча самых необходимых французских слов». Пожалуй, тысяча слов для гитлеровцев чересчур много – дикари обходятся с меньшим запасом. Но любопытен выбор слов. Раскрываю наугад страничку: месть, раса, пьяный, наручники, стрелять, бить, оскорблять, кричать, выстрел, свинья, плевать, кара.

Владелец записной книжки, старший ефрейтор 12-го полка в Ганновере Альфред Куррле, с немецкой методичностью отмечал свои «подвиги». Он находился во Франции, в Бресте, и оттуда бомбил английские города. Особенно часто его посылали на Плимут. Записи об уничтожении английских домов перемежаются полезными справками: номер воротничка, номер текущего счета, адреса проституток.

Еще шестого августа ефрейтор резвился во французском городке Шартре: запивал индюшку поммаром. Седьмого его послали на восток – он должен был заменить летчиков, убитых нашими истребителями и артиллеристами. Для нападения на Москву германское командование отбирает СС с хорошим стажем. Куррле был породистым, и он бомбил даже английский крейсер «Эксетер».

Переночевав в разоренной немцами Варшаве, Альфред Куррле 10-го вылетел на Москву. Он записал: «19 часов 43 минуты». Он оставил место, чтобы отметить, когда он вернется. Место осталось чистым – он не вернулся.

Он учился, какое вино пить с индюшкой, – краденое вино с краденой индюшкой. В несчастной поработанной Франции он оскорблял девушек. Он повторял по своему словарю: «Обыскать. Арестовать. Наплевать». На бреющем полете он расстреливал детей горняков в Сванси. Потом он осмелился показаться над Москвой.

Когда такой Куррле летит вниз, чувствуешь не только радость – моральное удовлетворение. С благодарностью помя-

нут наших зенитчиков вдовы Франции и матери Англии. С гордостью скажем мы: еще одного!..

17 августа 1941

24 августа 1941 года

Еврейский митинг: для Америки. Выступали Михоэлс, Капица, Эйзенштейн. Вот мое выступление:

Мальчиком я видел еврейский погром. Его устроили царские полицейские и кучка босяков. А русские люди прятали евреев. Я помню, как отец принес переписанное на клочке бумаги письмо Льва Толстого. Толстой жил в соседнем доме, я часто видел его, знал: это – великий писатель. Мне было десять лет. Отец читал вслух «Не могу молчать» – Толстой возмущался еврейскими погромами. И моя мать заплакала. Русский народ был неповинен в погромах. Евреи это знали. Я не слышал никогда злобных слов евреев о русском народе. И не услышу их. Завоевав свободу, русский народ забыл, как дурной сон, гонения на евреев. Выросло поколение, не знающее даже слова «погром».

Я вырос в русском городе, в Москве. Мой родной язык русский. Я русский писатель. Сейчас, как все русские, я защищаю мою родину. Но гитлеровцы мне напомнили и другое: мать мою звали Ханой. Я – еврей. Я говорю это с гордостью. Нас сильнее всего ненавидит Гитлер. И это нас красит.

Я видел Берлин прошлым летом – это гнездо разбойников. Я видел немецкую армию в Париже – это армия насильников. В Германии погромщики не окружены презрением, там они маршалы и академики. Все человечество теперь ве-

дет борьбу против Германии – не за территорию: за право дышать.

Нужно ли говорить о том, что делают эти «арийские» скоты с евреями? Они убивают детей на глазах у матери. Заставляют стариков в агонии паясничать. Насилуют девушек. Режут, пытаются, жгут. Страшными именами останутся Белосток, Минск, Бердичев, Винница. Чем меньше слов, тем лучше: не слова нужны – пули. Они ведь гордятся тем, что они – скоты. Они сами говорят, что фионские коровы для них выше стихов Гейне. Они оскорбляли перед смертью французского философа Бергсона – для этих дикарей он только «Jude». Они приказали отдать в солдатские нужники книги польского поэта Тувима: «Jude». Ученый Эйнштейн? «Jude»! Художник Шагал? «Jude»! Поэт Пастернак? «Jude»! Да можно ли говорить о культуре, когда они насилуют десятилетних девочек и закапывают живых в землю? Когда я думаю, что существует страна Гитлера, Германия, что она поработила десять стран, мне стыдно глядеть другу в глаза, мне больно слышать голос близких – как вынести, что гитлеровцы похожи, хотя бы внешне, на людей?

Моя страна и впереди всех русский народ, народ Пушкина и Толстого, приняла бой. Я обращаюсь теперь к евреям Америки, как русский писатель и как еврей. Нет океана, за который можно укрыться. Слушайте голоса орудий во круг Гомеля! Слушайте крики замученных русских и еврейских женщин в Бердичеве! Вы не заткнете ушей, не закро-

ете глаз. В ваши ночи, еще полные света, войдут картины зверств гитлеровцев. В ваши еще спокойные сны вмешаются голоса украинской Лии, минской Рахили, белостокской Сарры – они плачут по растерзанным детям. Евреи, в вас прицелились звери. Чтобы не промахнуться, они нас метят. Пусть эта пометка станет почетной! Наше место в первых рядах. Мы не простим равнодушным. Мы проклянем тех, что умышляют руки. Я обращаюсь к вашей совести. Помогите всем, кто сражается против лютого врага! На помощь Англии! На помощь Советской России! У нас сейчас вечер, 8 часов, темно. В застенках захваченной Белоруссии немцы пытаются людей. Вы слышите их крики? У нас сейчас вечер. Гитлеровские самолеты убивают детей и стариков в местечках Украины. Вы слышите их агонию? У вас сейчас еще день. Не пропустите его! Пусть каждый сделает все, что может. Скоро его спросят: что ты сделал? Он ответит перед живыми. Он ответит перед мертвыми. Он ответит перед собой.

Мы не забудем!

Жена немецкого фельдфебеля Франца Брумера пишет мужу из города Мариенбурга в Восточной Пруссии:

«Знаешь, Франц, я никогда не забуду того дня, когда я впервые в жизни услышала выстрелы. Как раз сегодня исполнится неделя. Мы так хорошо спали, и вдруг я проснулась и услышала тяжелые удары, и тогда я сразу поняла, что стреляют. Мы тогда должны были пойти в подвал – знаешь, где находится керосин. Я думаю, что там мы подвергались большей опасности, чем наверху. Потом тревога была снова во вторник днем и вечером. В общем, мы были четыре раза в подвале. А в Эльбинге были восемь раз, там было еще хуже. Ну, вот и мы получили немножко войны...»

Итак, фрау Брумер никогда не забудет того дня, когда услышала первый выстрел! Они думали воевать деликатно, не пугая своих супругов. Они думали, что их невест не потревожат предсмертные крики француженок, полек и сербок.

Мы помним июньское утро. Наша страна жила мирной жизнью. Колосились нивы неслыханного урожая. В Москве люди шли на Сельскохозяйственную выставку. Готовились к юбилею Лермонтова. Уезжали в дома отдыха. И тогда немцы напали на нас. Этих первых выстрелов мы не забудем. Штыками ошетичилась наша страна. Ненавистью переполнилось

сердце каждого.

Мы не забудем и того, что было потом. Мы не забудем, как гитлеровцы разрушают наши города, убивают наших детей. Мы ничего не забудем. Мы молчим о каре – слово теперь принадлежит пушкам. Но мы знаем одно: они больше не будут спокойно спать – эсэсовские дамы. Они уже слышали первые выстрелы. В Берлине они ознакомились с голосами русских бомб. Гитлеровцы хотели уничтожить весь мир, – среди пустыни Германия будет спокойно дрыхнуть, наевшись краденым хлебом... Этому не бывать! Они уже получили, как изволит выражаться фельдфебелевская жена, «немножко войны». Они ее получают полностью, не по карточкам. Они ею насытятся. Они проклянут тот день, когда Гитлер погнал их на нашу страну.

Они шли на нас и весело пели:

Ха-ха! Ха-ха!

Это будет веселая война!

У ворот стояли эсэсовские дамы – супруги обер-лейтенантов и невесты унтер-палачей. Эти фрау и фрейлейн подхватывали:

Ха-ха! Ха-ха!

Веселая война!

Теперь Елена Энцлейг пишет унтер-офицеру Фрицу

Вальтеру из Кранценгена в Восточной Пруссии:

«Я была на вокзале. Это был бесконечно длинный поезд. Я едва могла смотреть на несчастных. Это ужасно! Среди них еще совсем молодые. В большинстве ранения в руки и в голову. Я не могу теперь развернуть газеты – они полны объявлениями об убитых на русском фронте».

Они больше не поют. Они теперь видят, что такое «веселая война». Эта война придет к ним. Они не спрячутся от нее ни в какие подвалы.

Они начали. Мы кончим.

27 августа 1941

На запятках

Это было в Риме. К автомобилю подошел немецкий полковник. Итальянский генерал Макарио бросился к машине и услужливо открыл дверцу. Наверно, генерал пожалел, что перед ним автомобиль, а не экипаж – ему захотелось встать на запятки...

Пословица говорит: «Куда барин, туда и дворня». Хорошо было лакеям, пока Гитлер разъезжал по курортам. Петушком проследовал Муссолини в Ментону. Хорти любезно заглянул в Югославию. Это были пикники. Но вот сумасбродный барин собрался в Москву, и злосчастная дворня кричит.

В газетах лакеи именуются «союзниками». У Гитлера много челяди: титулованные дворецкие, лакеи с аттестатами с последнего места. Здесь и «потомок Юлия Цезаря», битый Муссолини, и регент Хорти, и уголовник Павелич, и опереточный генерал Антонеску.

Немцы души не чают в своих «союзниках».

Итальянцы? «Макаронщики». «Победители при Капоретто». «Чемпионы бега». «Газели с петушиными перьями». «Чистильщики сапог».

Венгры? «Пьянчужки». «Гусары на волах». «Цыгане». «Конокрады». «Тухлый гуляш».

Румыны? «Кочубы». «Мамалыжники». «Альфонсы». «Мародеры». «Хабарники».

Словаки? «Вшивое племя». «Босые паломники».

Эти определения взяты мною из дневников и писем гитлеровцев.

Четыре «союзных» страны – Италия, Румыния, Венгрия, Югославия – это четыре страны, оккупированные немцами. В одном итальянском городе француз подал прошение: он хочет проехать во Францию, в оккупированную зону. Итальянский губернатор игриво ответил: «Зачем, мой друг? Вы ведь находитесь в оккупированной немцами зоне...»

Скверно жилось итальянцам под пятой чернорубашечников. Но немцы оказались еще хуже. И римляне острят: «При Муссолини все-таки было лучше...»

Немцы выкачали из Италии все продовольствие. Итальянцы, как известно, обожают макароны. Прежде они ели белые макароны из кубанки. Они быстро наворачивали на вилку макароны. А теперь макароны по карточкам. Навернeshь разок на вилку, и тарелка пустая... Макароны теперь черные. Гитлер говорит итальянцам: «Отправляйтесь на Кубань – там растут макароны». Но итальянцы не любят воевать. Они предпочли бы сидеть у себя дома, работать и покупать муку. Как сказал один берсальер: «Лучше кубанка в Милане, чем пуля на Кубани...»

Но куда барин, туда и дворня. По приказу Гитлера Муссолини отправил на восток своих солдат. Газета «Пополо д'Италия» пишет:

«Итальянские солдаты уничтожат Российскую

империю, состоящую из большевиков, киргизов, самоедов и хазар».

Итальянские журналисты и прежде не отличались грамотностью, а на черных макаронах они, видимо, окончательно отупели. Что касается итальянских солдат, которые должны уничтожить хазарскую империю, те колеблются между двумя выходами: сдаться в плен или сбежать по дороге. В Бухаресте «исчезли» триста итальянских героев. Это первые жертвы итальянской армии в России...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.